

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
СУВОРОВ

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

*«Каждый солдат
должен знать свой маневр...»*

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Великие полководцы

Александр Суворов

Наука побеждать

«ЭКСМО»

Суворов А. В.

Наука побеждать / А. В. Суворов — «Эксмо», — (Великие полководцы)

Кто-то определил талант полководца как способность принимать безошибочные решения в условиях острого дефицита времени и достоверной информации. Возможно, по скрупулезным меркам военного искусства величайший русский полководец Александр Васильевич Суворов (1730—1800) не был гением – как Александр Македонский, Цезарь или Наполеон. Он был больше, чем гений! Второго Суворова у России не будет никогда. Слуга царю, отец солдатам, не проигравший ни одной битвы военачальник, защитник Отечества, сказавший: «Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб». Патриот, считавший Россию уникальной страной: «Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет», и безмерно страдавший от несправедливого устройства русской жизни: «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду...» «Наука побеждать» – книга, в которой величайший русский полководец предстает не только гениальным военачальником, но и великой личностью. Издание также включает уникальные мемуарные свидетельства современников и очевидцев, чтобы из приказов и рапортов, переписки и мемуаров, походных дневников и теоретических кабинетных штудий перед читателем сложилась гигантская мозаика русской военной истории последней трети XVIII века.

© Суворов А. В.

© Эксмо

Содержание

Вступительная статья[1]	7
ТРУДЫ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ	27
Полковое учреждение[4]	27
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Васильевич Суворов
(1730—1800)

Вступительная статья¹

I

Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю? Лк. 6, 46

Суворов не имел предшественников; да и последователя, не только ему равного, но хоть подобного, вероятно, не скоро дождется. В волевых величиях преемственности нет. Те, которые считают Суворова продуктом его времени, конечно, ошибаются и просто по рутине повторяют избитую историческую затычку, что «великие люди являются не создателями, а выразителями новых форм и общих стремлений». Может быть это прогрессивно и интересно, но не всегда верно: бывает и так, бывает и совсем наоборот; в применении к Суворову это как раз наоборот и представляет не более как повторение логической ошибки, давно замеченной и выраженной формулой: *post hoc ergo propter hoc* ².

Родился он, правда, в 1730 году, т. е. после предшествовавших лет (*post hoc*); но родился в период упадка военного дела в России, что бы ни говорили исследователи, расположенные на все свое смотреть сквозь розовые очки; родился притом от отца, бывшего военным только по названию: откуда же, спрашивается, могла явиться та мнимая преемственность, которую иные исследователи тщатся установить с усердием, достойным более соответственного применения? С точки зрения вечности, бесспорно, конечно, что «в жизни общественной и военной деятельность отдельного человека почти ничтожна» и что «как бы ни был велик гений, он не в состоянии переменить общее движение в ту или другую сторону, если в обществе нет стремлений к тому»; но дело в том, что эти самые положения именно и показывают, что Суворов есть явление исключительное, спорадическое.

Во-первых, он ни на волос не переменял общего движения, хотя и совершил массу великих дел.

Во-вторых, кто же не знает, что предшественников он не имел, школы не оставил и на целых шестьдесят лет по смерти был вполне основательно забыт? А его система воспитания и образования войск была бы и совершенно утрачена, не оставь он в наследие грядущим поколениям свою бессмертную «Науку побеждать» и приказы, отданные австрийцам в 1799 году. Может быть возразят, что его вспоминали в минуту катастроф 1805 и 1807 годов? Не только вспоминали, а еще раньше даже памятник ему в греческом вкусе поставили.

Но вспоминать имя такого человека, а не следовать его системе, не вдохновляться его делами, именно и значит забыть. Даже не только забыли, а как бы в насмешку над великой тенью так втерли солдату ненавистное Суворову «не могу знать», что оно слышалось, да и слышится, чуть не на каждом шагу. Для него чем солдат был живее, восприимчивее, тем лучше; после него первая забота была вытравить «сей вредный дух» и обезличить, омашинить солдата. На скамейке усидеть легче и спокойнее, чем на горячем боевом коне. Правда и то, что на скамейке далеко не уедешь.

Даже современники его ничем от него не позаимствовались, хотя победа, не изменявшая ему во всю жизнь, могла бы, по-видимому, навести на мысль, что позаимствоваться как

¹ Эта статья была написана генералом и военным теоретиком Михаилом Ивановичем Драгомировым (1830–1905) в качестве вступления к однотомному изданию книги А. Ф. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов», «чтобы лишний раз мысленно остановиться на неказистом по внешности, но бессмертном по своим духовным определениям и по делам “солдате-фельдмаршале”».

² Эта латинская поговорка, означающая «после этого, следовательно вследствие этого», считается классической формулой неправильного умозаключения, в котором последовательность событий по времени принимается за их причинную связь.

будто есть чем; а о потомках и говорить нечего. Сих последних потянуло именно в сторону «общего движения», т. е. за прусским королем, невзирая на то, что прусского короля били, а Суворова не били, как жаловался последний в одну из горьких минут своей жизни. Изо всего этого явствует, что если *post hoc* было, то *propter hoc* вовсе не было, и А. Ф. Петрушевский совершенно прав, утверждая, что в «стае екатерининских орлов» Суворов есть явление исключительное по размерам военного дарования, по оригинальности военного искусства, по самобытности своей военной теории и поэтому не может быть назван ни естественным продуктом своего века, ни логическим шагом предшествовавшей русской военной истории.

Природа не справляется с настроениями эпох и выбрасывает в жизнь людей по непостижимым, ей одной ведомым законам. Иные нарождающиеся опережают людской табун, и тогда они остаются одинокими, не взирая на поразительные фактические доказательства того, что правда натуры вещей на их стороне и что за ними идти было бы недурно; и выходит по евангельскому слову – «возопиют камни, и не имеют веры»; таков был Суворов. Иные отстают, т. е. опаздывают родиться; эти всегда усиливаются повернуть на старое. Наконец, большинство попадает как раз в табун, и только эти последние действительно являются продуктом своей эпохи и попадают в выразители «новых (!) форм и общих стремлений». Новых по пословице: «Тех же шей, да пожиже (иногда погуще) влей». А ши-то в настоящем случае заварил император Петр III, а доварил император Павел I.

И. Крейцингер.
Парадный живописный портрет А. В. Суворова.
1799 г.

В современных военных реформах Суворов не принимал никакого участия, да это и не было его делом; даже думаю, что он к этим реформам был равнодушен, проникнутый великим боевым идеалом, который внушал ему, что та либо другая организация безразличны, если люди настроены прямо смотреть в глаза опасности и бесповоротно жертвовать собой.

Не могу не заметить при этом особенности военного искусства, заключающейся в том, что ни одна, может быть, область народной жизни не показывает ложности теории прогресса в

такой мере, как это искусство. Так как война есть дело по преимуществу волевое, то само собой понимается, что если жизнь складывается так, что не вызывает необходимости энергического проявления воли, военное искусство должно по необходимости падать в той его части, которая относится к воле, т. е. в главнейшей. Чем этот упадок более, тем инстинкт самосохранения заявляет о себе сильнее и тем разные, даже мелочные, усовершенствования, отвечающие уму, т. е. самосохранению, оцениваются несравненно выше их действительного значения.

Генерал-аншеф
Абрам Петрович Ганнибал
(ок. 1669—1781)

Тут-то и начинают плодиться как грибы новые теории мнимого прогресса военного искусства и рассказы вроде того, что некоторые принципы Суворова и вообще прежних великих полководцев устарели; какие именно – об этом прогрессивные исследователи по скромности умалчивают. Хотя не трудно понять, что если в сложном произведении (человек × оружие (холодное, огнестрельное) × местность × случайности) только часть одного множителя меняется на величину, большую для него, но ничтожную в общем, то произведение существенно измениться не может; хотя, повторяю, нетрудно это понять, однако редко кто понимает, так как ум – покорный слуга самосохранения – этому противодействует. И, в конце концов, прогресс видимый оказывается регрессом в действительности. Эволюция римской жизни это показывает убедительнее всяких рассуждений: стоит припомнить республиканский период по сравнению с византийским. В последний период вооружение, строй, машины, крепости, конечно, были совершеннее, чем в первый, а победа все же перешла на сторону варваров. У них машин не было; но главный множитель – человек – был полон доблести и самоотвержения, чего у византийцев не было. Получился, следовательно, видимый прогресс, действительный регресс.

В современной жизни то же самое. За серьезной постановкой военного дела при Петре следует то, что известно из истории; победы, правда, бывали, но побеждал не солдат, а русский цельный человек, т. е. побеждал не благодаря школе, а невзирая на школу. Да притом вообще для победы не нужно быть сильным, а только немного менее слабым, нежели противник. В блистательный екатерининский период – прогресс; за ним начинается и совершенствуется период, приведший к Крымской кампании и который поэтому едва ли можно назвать прогрессивным. Параллельно с ним развивается высокопоучительный кавказский эпизод, наглядно показавший, что для войны нужно нечто иное, а не то, что делалось тогда в европейской России; примеры величайшей доблести, невероятных подвигов, являвшихся чистыми представителями «теории невозможного», запечатлены историей кавказской армии; но это никого не убеждало, даже наоборот: эта армия все время оставалась у плацпарадников в подозрении распущенности.

К чему же я все это веду? Веду к тому, что громадное большинство военных не может в мирное время воздержаться от требований того, что на войне вовсе не нужно, и от забвения того, что на войне нужно. Весьма немногие задаются даже вопросом, чему учить и как учить, а учат по былинам доброго старого времени: как учили отцы и деды. Извиняюсь за отступление. Впрочем, оно пригодится потом.

II

Обратимся к Суворову и припомним, как было дело. Отец предназначает мальчика служить по гражданской, поелику мал, хил, тощ и неказист. Мальчик, между тем, выученный на медные гроши грамоте, набрасывается на Плутарха и на все военно-историческое, что только находит в отцовской библиотеке; от природы живой, веселый и подвижный, он засиживается за книгами или скачет верхом, в непогоду, возвращается усталый, промокший, пронизанный ветром. Все это тогда, когда ему, вероятно, было не более десяти лет. Очевидно, мальчик странный; но если бы судьба послала ему настолько гениального педагога, что он был бы способен прозревать, что из этого мальчика выйдет, то, полагаем, и он ничего бы иного не придумал для укрепления тощего и хилого организма – укрепления, правда, спартанского, в конце коего могло получиться и разрушение вместо укрепления. Очевидно, что перед нами возникает представление об одном из тех предрасположений, которые стремят человека к известной специальности помимо его, иногда даже вопреки ему самому и, конечно, вопреки всем окружающим. Я понимаю, что раз-другой попасть на дождь и холод никакой мальчик не откажется,

но чтобы возводить это в программу и исполнять ее методично, настойчиво с десяти лет – таких мальчиков нет, если они не отмечены Перстом.

Отец был, конечно, встревожен, но, по счастью, ломать сына не стал, благодаря в особенности генералу Ганнибалу, который посоветовал не препятствовать Суворову, тогда одиннадцатилетнему, в его слишком определенных стремлениях. И вот, он погрузился в изучение Плутарха, Корнелия Непота, деяний Александра, Цезаря, Аннибала, Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгения, впоследствии маршала Саксонского, продолжая это в течение своей почти семилетней солдатской и затем всей офицерской службы. Общее образование тоже не было забыто: пройдена история, география, даже начала философии; артиллерию, фортификацию и, вероятно, начала математики взял на себя отец.

Во всем этом было много для ума; но для сердца, если не исключительно, то весьма преимущественно, дал пищу Плутарх, обладающий тайной пробуждать избранные натуры. Ниже увидим, что в сформировании духовного облика Суворова он сыграл немалую роль.

III

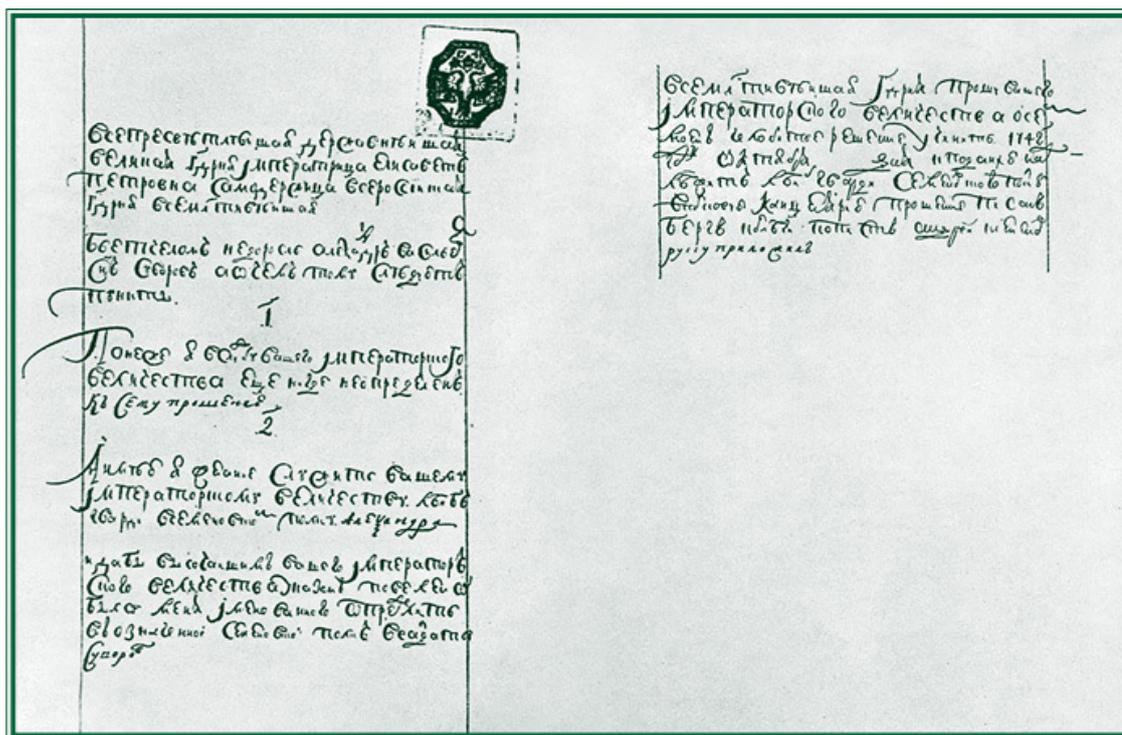
Чему же научила Суворова служба и что он почерпнул из книг?

Поступил он в лейб-гвардии Семеновский полк, известный и тогда своей исправностью, хотя и в нем были служаки всякого сорта: от солдат, державших при себе дворовых по 17-ти человек, и до таких, которые отлучались из караула без позволения и брали с колодников деньги. Суворов, державший только двух дворовых, не принадлежал к первым, ни тем более ко вторым, и быстро установил свою служебную репутацию как человека, на которого всегда и во всем можно положиться.

Но если внутреннему порядку и гарнизонной службе можно было выучиться в Семеновском полку, то боевому делу едва ли. Подготовка к сему последнему ограничивалась строевыми учениями тогдашнего типа, без малейшего намека на боевое дело: метали ружьем, строили разные фигуры и, конечно, ходили церемониальным маршем – последнее в изобилии. Правда, иногда еще упражнялись в пушечной и ружейной не стрельбе, а пальбе, т. е. вхолостую. В старину в мирное время учили всяким ненужностям, и чем мир был продолжительнее, тем, конечно, усовершенствование этих пустяков шло дальше: усложнялись приемы, придумывались занятия вроде беления амуниции, пудрения волос. Нужно было бессрочного, а впоследствии 25-летнего служивого занять; и вот занимали, повторяя из года в год то, что он знал с первого, много со второго года службы. И каждый год начинали все с тех же азов, что и с новобранцами.

Дело в том, что вогнать человека в привычку беспрекословного и быстрого повиновения, – повиновения не рассуждая, не думая, а рефлексивно, – есть основная задача воинского воспитания, и упражнение в пустяках, конечно, этой цели достигает; но оно не только не дает никакого представления о боевом назначении воина, а с течением времени даже отвращает от него, вплоть до выработки афоризмов, вроде «ничто так не портит войска, как война». И оно понятно, что при такой системе занятий этим должно кончиться: все эти пудрения, беления амуниции, метания ружьем, от долгого в них упражнения, из средства обращаются в цель, и чем дальше, тем больше вытесняют даже сам намек на собственно военное дело.

Понятно, что из подобной школы Суворов мог вынести только привычку к исполнительности и порядку: привычка, бесспорно, важная и необходимая во всякого рода деятельности, но не доставало одного: применения выработанной привычки к тому делу, для коего солдат назначается и без практики в коем он не солдат, а кукла для столь же красивых, сколь и бесплодных представлений.

Челобитная двенадцатилетнего А. В. Суворова о зачислении на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. 1742 г.

Кажется, чего проще было попасть на мысль, что вогнать в повиновение можно ведь и упражняя войска в прямом их деле, а не в плацпарадных фокусах, имеющих с ним общего только то, что страдательную роль в обоих случаях играют те же солдаты? Да, чего проще? А вот до Суворова этот открытый всякому секрет не только не приходил никому в голову, но даже и тогда, когда Суворов сделал это великое открытие и начал его применять (с каким успехом, известно), он последователей себе не нашел. С производством в армию Суворов увидел нечто еще более грустное:

«Русская армия в молодые годы Суворова переживала состояние переходное, тяжелое. Большинство офицеров в ней были мало или вовсе неграмотны, полковые командиры злоупотребляли своей обширной властью; полковые штабы коллегиально вершили все дела, служба отправлялась только исподволь. Таким образом, и солдатская жизнь, и первые годы офицерской службы Александра Васильевича были для него отрицательными образцами. Невежество, неустройство, вялость, неспособность, вот что встретил в действующей армии Суворов; движения войск были медленны, переходы иногда не более 8 верст в сутки, дисциплина расшаталась. «Я сам, – писал про себя Суворов, – будучи зачислен в армию после долгой и честной службы, три года никуда не годился. Они (полковники) расслабляют своих офицеров – сибариты, но не спартанцы, а делаются генералами – подкладка остается та же». Тот же отпечаток лежал на тактической подготовке войск. Наступление и перестроение в эпоху Семилетней войны совершалось так медленно, что пехотному полку на построение требовался целый час, а для армии – сутки».

Из всего сказанного видно также, что ни в гвардии, ни в армии Суворов не нашел образцов того спартанского образа жизни, которому он себя подчинил впоследствии и оставался ему

верен до конца своего поприща. Немногому выучился он и на войне, давшей только отрицательные примеры; но, чтобы их отрицательность оценить, нужно уже было и в то время иметь свой критерий; ведь сотни и даже тысячи участников в этих отрицательных примерах находили, что все идет как следует и что иначе и идти не может. В том и особенность исключительных натур, что они видят вредное и опасное там, где другие не видят ничего особенного, или видят даже хорошее.

IV

Но из книг он выучился необъятно многому: качественно, а не количественно; и выучился такому, чего сотни и даже тысячи читающих те самые книги в них не находили. Выучился, одним словом, «открытому секрету». В этом его самобытность, в этом его исключительность. Да, у него было много учителей, и с этой точки он, пожалуй, и не оригинален; да и учителя не оригинальны настолько, что иногда кажется, будто они один у другого списывали; но дело в том, что этот от века и часто повторяемый открытый секрет, видимый и ясный Суворову, оставался невидимым и непостижимым для других даже тогда, когда они с дипломатической точностью его перебалтывали.

Страшная сторона военной теории заключается в кажущейся легкости ее усвоения и в великой, для многих даже неодолимой, трудности проведения ее в жизнь: ибо усвоение – дело ума, а проведение в жизнь – дело воли. Для наглядности этого беру пример из другой области, но отчасти аналогичной военной, ибо в ней чувство личной опасности тоже играет большую роль: чего кажется проще теория ходьбы по канату на большой высоте? Переставляй ноги так, чтобы вертикальная линия, идущая от центра тяжести тела, постоянно находилась между подошв и падала в ось каната; а попробуйте исполнить!

Этот открытый секрет, настолько простой, что словам, его выражающим, можно научить даже попугая, большинству не дается еще и потому, что в каждой книге, особенно военной, человек читает собственно самого себя, т. е. задерживает только то, что соответствует его врожденным свойствам и степени его подготовки к чтению.

Взяв это в расчет, нетрудно заметить, что читатель бывает разный: у одного все читаемое проваливается как сквозь решето, безо всякой задержки; у другого, как в плохой сортировке, задерживается шелуха, но зерно отлетает; у третьего зерно задерживается, но нет воли посадить его в жизнь и взрастить заботливо, настойчиво и последовательно; наконец, четвертые способны задержать, посадить и взрастить. Эти последние считаются единицами, и когда судьба ставит их у дела – дают великий плод. Таков был Суворов.

цельная, а или подготовительная – боевая в прямом смысле, или общепользная государственная, вроде проведения дорог; и потому в практике мирного времени, в подошвах сандалий – свинцовые подкладки, а мечи, которыми легионеры упражнялись в нанесении ударов (а не в приемах), – двойного веса.

У Цезаря Суворов задержал форсированные марши и то, что только тот может требовать чрезвычайных усилий от солдат, кто способен сам при случае дать таковые. У новейших писателей он вычитал то же самое, конечно с оттенками, в особенности у маршала Саксонского: у последнего «сердце человека», «война в ногах», «люди на войне делают не то, что нужно, а то, чему их учили»; т. е. утвердился в разумении великого значения для победы духовной силы, движения, силы привычки над человеком.

Вооруженный этим «открытым секретом», Суворов стал его применять, как только попал на самостоятельную работу, и создал систему воспитания и образования войск, поражающую логической выдержкой и художественной законченностью.

Начинает он с церкви и с двух школ (в то время!): для офицерских и для солдатских детей. Строят, конечно, солдаты; ибо строят для себя же, т. е. для полка.

Затем непрерывные усиленные марши, днем и ночью, во всякую погоду; при случае – штурм; на всяком учении, перед разводом, упражнение в атаке непременно на видимую цель и в сквозной – против товарищей. При удобстве расположения – сквозные атаки не только с пехотой, но с конницей и артиллерией. Следовательно, вся повадка римская, но с собственными прибавлениями. Нет, правда, свинцовых подметок и ружей двойного веса, ибо условия снабжения и вооружения не те; но непрерывная и плодотворная (а не бесцельная) работа налицо. Работа притом подготовляющая к бою даже до испытания чувства опасности и до практики в преодолении этого чувства, насколько то в мирное время возможно.

Нельзя не пожалеть, что его «Суздальское учреждение»³ не сохранилось в подлиннике; но полагаю, что в окончательной форме оно вылилось в «Науку побеждать», следовательно, для нас не утрачено.

³ Рукопись этого суворовского труда была найдена в 1938 г. и опубликована под заголовком «Полковое учреждение».

*А. Е. Коцебу. Взятие крепости Кольберг
в ходе Семилетней войны в 1761 году.
1852 г.*

При такой системе занятий ни солдаты, ни офицеры не могли усвоить иных привычек, кроме тех, которые даются боевыми понятиями и боевыми представлениями. Они, следовательно, и в бою могли делать только то, что нужно и что они выучивались делать на мирных занятиях. Привычка – вторая натура; и, как заметил один из современников, для воспитанников суворовской школы бой не представлял ничего нового, ни неожиданного, даже до увечий, а иногда и до смертных случаев.

Случались они, конечно, редко, но случались. У Суворова на это было свое оправдание: «Тяжело в учении, легко в походе; легко в учении, тяжело в походе»; «одного убью, десять выучу», хотя, конечно, до этого у него никогда не доходило. Смело можно сказать, что не убивал он даже и одного на тысячу; т. е. гораздо меньше того, что бесцельно гибнет на железных дорогах, фабриках, в копиях, от дурной пищи, от дурного помещения, от бестолковых занятий. Если вспомнить, что в образцовых войсках потом говорилось: «Десять забей, одного выучи», то разница получается ошутительная, особенно приняв в расчет, что это говорилось во имя идеалов, не имевших с боем ничего общего.

Но этим суворовская система не ограничивалась: глубокий знаток человеческого сердца, он придавал силе слова великое значение и не только закреплял при помощи слова все сделанное, но добавлял то, чего проделать было нельзя. Отсюда его «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом, или Наука побеждать». Учение у него продолжалось не более часа, а поучение иногда тянулось два и больше. Словами же он пользовался для практики солдата во вседневной готовности отвечать на вопрос не теряясь и отнюдь не прибегая к уклончивому «не могу знать»; а также для внушения ему отвращения к вредным словам, вроде, например, ретирады. В этом последнем случае он доходил до педантизма, который может показаться даже смешным людям, не отдающим себе отчета во вреде для человека привычки к скверным в военном смысле словам. Ведь за каждым скверным словом скрывается и скверное понятие, которое за словом проникает в душу человека.

Это все забывают; но Суворов не забывал. Некоторые слова могли его просто выводить из себя: именно те, которые подсказывал инстинкт самосохранения или из него же проистекающая неуверенность в своих силах. Так, например, сикурс (помощь) у него нельзя было говорить, а резерв (запас) – можно. Ибо желание помощи обличает сознание слабости, а запас и сильному не стыдно иметь. «Опасность есть слово робкое и никогда, как и сикурс, не употребляемое и от меня заказанное» и т. п. Итак, сначала показ, а потом закрепление его рассказом: великий был знаток человеческого сердца вообще, а русского в особенности, Александр Васильевич. «Всякий воин должен понимать свой маневр!» – опять «открытый секрет», который должен быть врезан неизгладимыми чертами в сознании всякого начальника от самого малого и до высшего; а между тем многие ли им проникнуты?

Ведь, кажется, не трудно понять, что человек может исполнить с духом и толком только тогда, когда знает, чего вы от него хотите; а многие ли это делают? Не чаще ли случается, что скажут и в каком строе и куда идти, и на какой фланг равняться, а зачем идти – не скажут? И если это в мирное время не практикуется день в день, час в час, то можно ли ожидать, что оно на войне само собой явится по щучьему веленью?

Кто не признает, что войска, прошедшие подобную школу, конечно, были выше по воспитанию и образованию любой из современных нам армий, не говоря уже о тогдашних? Они были чистейшими представителями теории невозможного еще тогда, когда во Франции она даже и не снилась. Туртукай, Фокшаны, Рымник, Измаил в особенности – лучшее тому свидетельство. Суворов до такой степени веровал в действительность своей системы обучения, что возвращался к ней и в военное время для подготовки к самым трудным положениям. Так, перед штурмом Измаила он по ночам упражнял войска в штурме укрепления сильной профили, нарочито для того насыпанного.

*К.-И. Кенпен. Спасение А. В. Суворова
гренадером Степаном Новиковым в сражении
при Кинбурне 1 октября 1787 года.
1855 г.*

Сказал он, что на такой штурм можно решаться только раз в жизни и – да простит мне великая тень! – сказал неправду: пошли ему судьба такой же и второй, и третий штурм, – и решился бы, и взял бы.

И вот почему прусского короля били, а Суворова не били.

Его недостижимое величие как воинского педагога видно из того, что он силой одного мышления создал в мирное время то, чего самые победоносные армии, как революционные и наша кавказская, достигали только путем войны действительной, да притом многолетней, т. е.

под давлением внешней необходимости. И в этом смысле нет ему равного ни в какую эпоху всемирной истории.

До 1799 г. его системе недоставало европейского освящения; судьба послала великому старцу и это последнее, как бы в свидетельство того, что его система применима со всякими войсками, на всякой местности и против всякого неприятеля, лишь бы во главе стояли люди даже и не его роста, а хоть его типа. И все это было у нас, и все это было забыто. И возмездие за забвение ждать себя не заставило. Едва прошло несколько лет после его кончины, как вместо Фокшан, Рымников, Измаилов, Требий, Нови пошли Аустерлицы, Фридланды. Открытый секрет скрылся.

– Все это так, – может быть, скажут, – но в чем же собственно открытый секрет? Нельзя ли покороче?

– Секрет в том, что бесполезное на войне вредно вводить в мирное обучение; иначе получается извращение понятий и привычек; секрет в том, что в солдате нужно признавать человека и соответственно сему с ним во всем поступать.

– Только и всего?

– Только и всего.

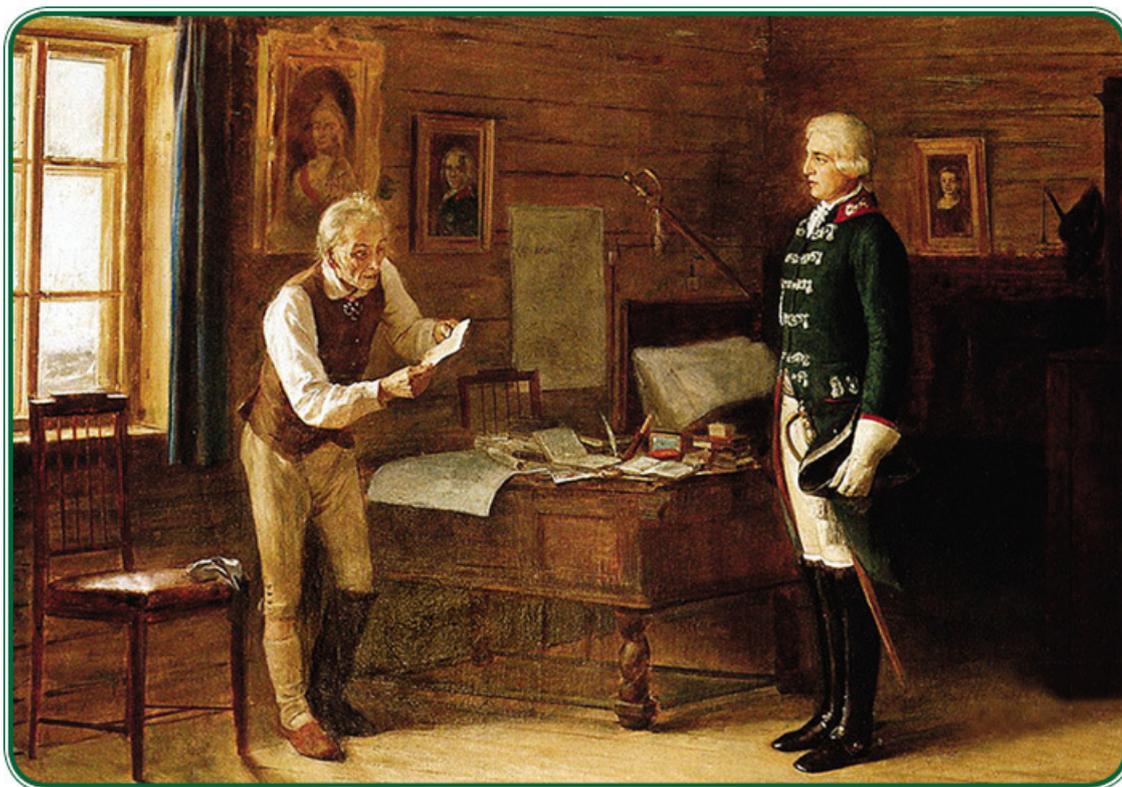
– И это секрет?

– Да, секрет, и притом открытый, ибо его все знают; но тем не менее секрет, ибо его никто или почти никто не применяет; следовательно, не может или не хочет видеть. Скажут, что Суворов все взял с войны: отчего же сотни, если не тысячи тех, которые участвовали в наполеоновских войнах – участвовали и храбро, и с толком – не находили по замирении ничего лучше, как вернуться к тихим учебным шагам и ружейным приемам с усердием, достойным лучшего применения? Ведь у них боевой опыт был посерьезнее опыта субалтерна Суворова в Семилетнюю войну?

VI

Говоря о Суворове, нельзя пройти молчанием его чудачества: и потому, что они были свойством его природы, и потому, что сослужили делу немалую службу. Плели на него по этой части и правду, и неправду, но больше лгали, иногда злобно, и преимущественно из зависти. Были у него, конечно, и крупные недостатки, поскольку он был человек и ногами стоял на одной земле со всеми прочими; но головой-то поднимался куда как высоко над этими прочими.

Слыл он и пьяницей, и полупомешанным. Такие люди в минуты одержания священным безумием действительно могут показаться и пьяными, и полупомешанными людям золотой середины, которые в своем сереньком прозябании не ощущают ни потребности в необыкновенных нервных напряжениях, ни расположения к ним. И поэты в минуты вдохновения тоже кажутся и пьяными, и полупомешанными таким людям, и это в обыкновенное время; во сколько же раз впечатление полупомешанности должно увеличиваться в минуты, когда косит смерть и когда от успеха или неуспеха зависит иногда судьба отечества, не говоря уже о собственной репутации? А кто это испытывал поневоле, тот привыкает к поднятому нервному тону и в спокойном состоянии духа. Недаром сказано, что нет великого человека без зернышка помешательства.

**П. Е. Геллер. А. В. Суворов в селе Кончанском
получает известие о назначении его главнокомандующим
союзными войсками в Италии. 1902 г.**

Собственно чудачества Суворова истекали из его натуры; это наше родное юродство, не напускное, а действительное, т. е. такое, какому человек сопротивляться не может и какое с годами, конечно, растет, особенно если в жизненной обстановке оно обретает себе пищу. А это в предлежащем случае вполне имело место.

Припомним время: это был, во-первых, расцвет крепостного права; во-вторых, совершенное отсутствие понятия о, так сказать, служебном, самоотверженном патриотизме. Великая Немка научила русских гордиться русским именем; но своекорыстия, взлелеянного вековым рабством, искоренить, конечно, не могла: служили все своему личному, а не общерусскому; если при этом кое-что перепало России, то, конечно, только по дороге. Всякий тащил, что только мог, служа своему самолюбию, тщеславию, карману, брюху с окрестностями. Самый грандиозный и поэтому наглядный образчик такого попутного служения родине представляет великолепный князь Тавриды; слава России ему, конечно, была дорога, потому что была дорога великой Екатерине; но дорожке ее, конечно, было всяческое самоугождение. Служить-то он служил родине, но и вознаграждал себя за это широкой рукой и землями, и деньгами, и дворцами, и устройством своей родни.

В труде А. Ф. Петрушевского отношении Потемкина к своим обязанностям видно из описания очаковского сидения: прибавлю к нему две небольших жанровых картинки.

Не знаю, как и когда попал Светлейший в Святогорский монастырь на реке Донце. Место чудное, сам монастырь стоит на грандиозных меловых конусах. Понравилось место Светлейшему и за распоряжением не стало дело: монастырь упразднить, имение взять на князя. Только впоследствии монастырь был восстановлен усердием жены одного из его наследников, Т. Б. Потемкиной, конечно, без возврата имения.

Другая картинка: заезжает раз Потемкин к одной даме, родственной или знакомой, не знаю. Дама говорит, что пришлось нанять гувернантку, а платить дорого: нельзя ли ее куда-нибудь пристроить на жалованье? Светлейший обещал; и через несколько дней дама получает уведомление, что гувернантка зачислена в один из драгунских полков ротмистром. Вот в какую компанию попал на общественное служение Суворов; кто по чину, а кто и не по чину, но брали все; а он, воспитанный на Плутархе, слился с идеалом бескорыстного, самоотверженного служения родине.

При таких условиях мог ли он явиться открытым, свободным обличителем укоренившихся порядков? Конечно, нет; его заклевали бы: он и обращается в правды ради юродивого. Он не мог высказывать прямо того, что накопило на душе; не мог и молчать; и потому прибег к языку Эзоповскому, рабьему, благодаря коему высказывал житейскую, часто горькую, правду, не стесняясь лицом. Но не лгал никогда, а правду прощали за шутовскую форму: чудак-мол; всегда таким был, таким и останется.

Это его юродство вверх; посмотрим, чем оно выражалось и какие плоды давало вниз. При крепостном праве солдат видел в офицере не командира, а барина; и офицер разумел солдата, в свою очередь, не подчиненным в петровском смысле, а рабом. Вот внутренний склад понятий; а Суворову нужно было не раба лукавого, из-под палки работающего, а свободного человека, честью и во всю свою собственную волю готового принести высшую жертву христианской любви за други своя; как же это сделать? Да все при помощи того же юродства, благодаря коему он солдата поднимает до себя.

Грамота австрийского императора Иосифа II
о пожаловании Суворову в 1789 году
графского достоинства
Священной Римской империи

И солдат чувствовал себя с ним свободно; он видел в нем самого старшего товарища, а не недостижимого барина над его барами. При таких отношениях Суворова к солдату могли ли они не отразиться и на отношениях к последнему офицерства?

Утверждаем категорически: должны были отразиться, хотя современных документальных свидетельств на это и не имеем. При таких отношениях процветанию палки места не было, и те естественные духовные качества, с какими простолюдин попадал на службу, не забивались, даже не подавлялись, а напротив, крепили и развивались. Суворову нужны были не безмолвные, задеревеневшие нравственные кастраты, а свободные, предприимчивые, безгранично смелые и упорные люди, и он этого достигал благодаря своему юродству. Таким образом, будучи правды ради юродивым вверх, он был любвеобильным Христа ради юродивым вниз.

Взяв это в расчет, придется признать, что это юродство особого рода, какого давай Бог побольше, а не то шутовское, казавшееся некоторым, особенно придворным кавалерам, средством выскочить, обратить на себя внимание.

Чье внимание, спрашивается, Суворову нужно было обратить на себя?

Екатерины? Даже смешно это сказать. Не такая это была дама, чтобы ее можно было поймать на столь нехитрое коленце, как шутовство.

Да Суворову в этом и надобности не было, так как она знала его еще с Семилетней войны. И всем, порывавшимся видеть в его чудачестве разные затаенные виды, ответ находим у него же: «Помилуй Бог, не трудитесь, я вам себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мне удивлялись, враги меня ругали, придворные смеялись. Эзопом являясь при дворах, побасенками говорил я правду; был Балакиревым для пользы отечества». Кажется, ясно! Некоторые находят еще, что шутовскими выходками он прикрывал свое раболепство. Не говоря уже о том, что многое, по современному раболепное, в его время таким не было; нельзя не признать странным раболепство, вызывающее у человека полный достоинства ответ Потемкину («Кроме Бога и Государыни никто меня наградить не может»), просьбу в Кременчуге, обращенную к самой матушке царице заплатить задолженные им за квартиру, кажется, два или три с полтиной, тоже в ответ на вопрос, чем наградить его; нравоучение Прошке при посещении одного графа, что значит верно служить и какую награду можно за это получить.

Заправские раболепы при одной мысли о такой дерзости могли бы упасть в обморок. Он был гибок и сдавал, пока было можно: именно пока ему не мешали дело делать; но эта гибкость покоилась на гранитном дне, доводить до коего нажим было неудобно. Весь эпизод с Императором Павлом прямо показывает, что когда доходило до святейших военных устоев, он не задумывался ставить все на карту.

VII

Память такого человека может и должна быть почтена всячески; но памятник нерукотворный – проведение в жизнь его великого «открытого секрета», во всех разветвлениях гениально им разработанного, – есть единственно его достойный. Без этого все другие памятники будут напоминать только текст, взятый к этому очерку эпитафией.

М. Драгомиров. 21.05.1900 г. Киев

Труды, письма, документы

ТРУДЫ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ

Полковое учреждение⁴

Глава I. О караулах

§ I. О построении караулов на месте

1

Караул строитца по числу людей своих и рота, как то ей положено в описании 1763 году полкового строю главы 2 в 1-м пункте части I.

2

Команды строятца: от 40 до 24-х рядовых, разумея при фронте остающихся, в 3 шеренги. От 24 до 12 – в две. От 12 до самых малейших постов в 1 шеренгу.

3

Офицеры: буде два при команде старшей в середине команды, от передней шеренги в 8 шагах, младший на правом крыле между четвертым и пятым рядом, от рядовых в 4 шагах.

4

Унтер-офицеры: становятца по старшинству на крыльях в передней и задней шеренгах. А буде их только два, то в одной передней на обоих крыльях.

5

Капралы: в задних шеренгах на крыльях. А буде в задней унтер-офицеры, то капралам стоять во второй.

6

Где при офицере один сержант и капрал, то сержант на правом, капрал на левом крыле передней шеренги; то же когда сержант на карауле начальником, то он на правом крыле, а его капрал на левом передней шеренги; когда в карауле капрал начальником, то он на правом

⁴ Печатается с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии и пунктуации.

також крыле, тоже и ефрейтор. Разве сержант главным на карауле за офицера, тогда стоит там, где офицер.

7

Барабанщики: при офицерах, буде в три или в две шеренги, между первой и второй за офицером; в одну шеренгу перед шеренгой. При унтер-офицере на правом у него крыле.

§ II. Как быть караулам в маршировании

1

В маршировании караулы разделять: от 48 до 36 рядовых на два взвода, а ниже 36 до 24 – в один взвод, в три шеренги. Ниже 24 до 8 – в две шеренги, от 8 ниже – в одну шеренгу.

2

Офицеров: буде два – начальной перед командой, а подчиненной в замке.

3

Унтер-офицеры: первой ведет второй взвод, последние по фланкам взводов, також и капралы, как выше назначено на месте. При одном офицере: старшей унтер-офицер замыкает, а по нем следующий ведет второй взвод.

4

Буде же команда состоит в одном взводе, то старшей унтер-офицер замыкает, как выше показано, на месте по крыльям шеренг.

5

Начальникам караула: сержант, капрал или ефрейтер перед командой в 4 шагах.

Первая страница оглавления рукописи
А. В. Суворова «Полковое учреждение»

Этот документ, известный как «Суздальское учреждение», долгое время считался утерянным и был обнаружен только в 1938 г. научным сотрудником Артиллерийского музея (в Ленинграде) полковником Т. И. Воробьевым при разборе рукописного фонда библиотеки музея. «Полковое учреждение» написано А. В. Суворовым в дополнение к руководящим документам для офицеров и младшего командного состава Суздальского полка, которым Суворов командовал с 1763 по 1768 гг.

Барabanщик в 1-м взводе, между первой и второй шеренги, в одну шеренгу – перед шеренгой, между оной и предводителя команды.

§ III. О смене караулов

1

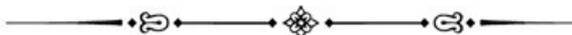
Когда новая смена к старому караулу приблизитца шагов до 50, а по обстоятельству места и ближе, командует стоящей на оном офицер «на караул» и прикажет бить поход. А пришедшей, заведя фронт в расстояние рядовой от рядовой шеренги 16 шагов, разве в необходимости по обстоятельству места и ближе, и середина против середины, взаимно делает то же; потом барабанщики обоих караулов тотчас бить перестанут. Где не офицерской пост, там начальник караула из нижних чинов заводит новую смену против середины старого караула в расстояние не 16, но токмо 8 шагов, и, как скоро скажет «заходи», отходит проворно на свое место, то есть на крыло правое своей команды, а барабанщик, буде есть, також проворно отходит ему на правое крыло; старого караула начальник из нижних чинов прежде новой смене «на караул» не командует, пока она против помянутого не заведена будет, потом командует «на караул», оба вдруг и ударят в барабан поход. Где при команде два офицера, там новый начальник, буде место дозволит, заводит свою команду в расстояние 24 шагов.

2

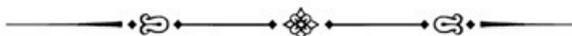
По отдании чести оба офицера, подняв свое ружье в правую руку, зделав по три шага, так что между ими останетца два шага, подходят друг к другу на середину и, поставя ружье к ноге, сняв шляпы (а унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры делают между собою ружьем, имея оное на плече, «на караул», то же всегда, когда друг другу ружьем оба рапортуют, шляп никогда не снимают). Пришедшей сказывает о себе стоявшему, что на смену пришел, что приказу; на сие стоящей препоручает ему все, что на том карауле сохранять приказано, и притом весьма тихо. А буде без дозволения смену производить не велено, то отправляет мелд-ефрейтеров для истребования на то дозволения.

Понеже в том случае не получа дозволения, к смене вовсе пристойности нет приказу отдавать; и потом оба офицера, здав друг другу приказ, поднимают ружье в правую руку (а буде из нижних чинов, на плечо), направо поворотя, идут к их командам на свои места и командуют: 1-е. «На плечо» (а ежели пришедшей от стоящего приказу еще не получил, то, дождавшись мелд-ефрейтеров, сходятца на середину в другой раз и один другому приказ отдает). 2-е. «Унтер-офицеры и капралы к смене», по которой команде обоих караулов унтер-офицеры и капралы поворачиваютца направо и налево, идут по старшинству позади передней шеренги, строятца позади ее против правого крыла старого караула и, поворотясь вдруг во фронт, выходят вдруг же из-за шеренги и строятца на середине караульного промежутка и, зделав вдруг «на караул», требуют пришедшие от стоящих осведомления о постах, колико их есть двойных или одинаких, и впротчем, что к их должности при карауле приказано, посему: старой: «зачем пришел»; новой: «вас сменить, что сдачи и приказу, сколько постов»; старой: «буде особливых приказов нет, содержать караул бодро и осторожно, сдача будет по смене, постов столько»; что получа, оборачиваютца направо кругом и идут в свои места; из пришедших унтер-офицер рапортует своего офицера о числе постов, и по приказу его разнумерить караульных на перевязках карандашем смены, то есть: первая, вторая, третья.

Ежели разводит один капрал, то разнумеривает с правого крыла, Чтоб ранжир испорчен не был, а буде разводят два или четыре капрала, то уже с обоих крыл; что исполня, рапортует своего офицера.

Однажды, в весьма холодную ночь, граф Суворов с Фуксом ехали верхом. Фукс зашел в крестьянскую избу обогреться. Граф поехал дальше. Отъехав несколько, увидел он солдата, стоявшего на часах, и спросил: «Знаешь ли ты, сколько на небе звезд?» «Знаю,— отвечал солдат,— сейчас доложу Вашему Сиятельству». Потом начал очень тихо считать, глядя на звезды: раз... два... три... и т. д. Когда Суворов был в движении, то холод был ему не так чувствителен, но стоя на одном месте, он очень озяб. Наконец, не вытерпев, спросил про звание солдата, пустился в избу и, едва успев войти, закричал Фуксу: «Скорее такого-то в унтер-офицеры — он богатырь!»

Ежели команда более нежели из одного офицера состоит, то старшей, токмо чтобы на сие место дозволяло, становитца от фронта в 8 шагах, протчие в 4 шагах. А буде два, то как предписано в 3 пункте I-го отделения сей главы.

3

Потом пришедшей офицер командует: «первая смена направо»; буде же расчет был с обоих крыл, то «направо и налево»; «ступай»; «стой»; тогда капралы к назначенным на часы приступят, новые станут по правую, а старые у них по левую руку, новая командует во фронт, старые капралы, сказывая новым, в которую сторону разводить; «право или лево заходи»; «стой»; «ступай»; потом более на поворотах по малости их команд не командует для проворного развода, и разводят весьма скоро, и команда должна сама за ними ходить, разве для упреждения какого замешательства давать им иногда знак рукою. Между тем офицер нового караула приказывает оставшим[ся] на месте строитца, наблюдая ранжир, в две или одну шеренгу, по числу людей, потому как положено о построении на месте, или ровняет, приказавши принять вправо против середины старого караула буде развод был с одного правого крыла; то же и водящей на часы капралы в построении шеренг на походе из трех, где из двух в одну всегда наблюдают, как сказано в 1-м пункте 2 отделения сей главы.

4

Когда новая смена часовых к старым прибудет, новый капрал против посту, который он сменять должен, не дошедши 6 шагов, командует: «стой, на караул, перед себя»; вся сменная команда то же исполняет, и по сей сойдет новой против старого часового и, приблизясь к нему, старый новому: «зачем пришел»; новой: «вас сменить, что сдачи и приказу»; старый: «содержать караул бодро и осторожно, а особливого приказу и сдачи нет», а буде есть, то сдачу капрал знает; а ежели есть капра[лу] особливый приказ, то старый часовой сдает оный новому так тихо, чтоб капрал слышать мог; потом новый, на его месте ставший, с первым для повороту

налево кругом, темпом, то есть: поставя правый каблук к левой щиколотке, а старый, дошедши до сменной команды, заступя его место, станет на нем с первым же темпом.

Для повороту налево кругом капрал командует: 1-е. «Во фронт»; делают оба вдруг в остальные два темпа налево во фронт. 2-е. «На плечо»; по сем капралы, ежели есть сдача, новый у старого до малейшей вещи осторожно осматривает и принимает, и буде где деньги и вещи, коли счетом, то счесть, а за печатью – печать и обвязку, не разрезана ли, осмотреть; и ежели сдача не мала, то капралы могут, по положении командой на плечо, их ружья сдавать на время рядовым. Новый капрал, принимая сдачу, в то ж время препоручает оную в сохранение новому часовому, подтверждает ему о хранении всех вещей и отданном на посту приказе. Потом маршируют.

Где двойные часовые, там ставит всегда равных людей, буде нет, то капрал ставит большего на правое крыло. По команде: «ступай», новый часовой сделает сам на караул и кладет на плечо, когда сменная команда от него 6 шагов отойдет; то же буде на том посту держать у ноги, то, поставя к ноге, отделить ружье и по миновании 6 шагов поставить к ноге. Капрал же по команде «ступай» для разверстания шеренг по числу людей, как выше сказано, строит оных на походе командою из трех в две шеренги или из двух в одну шеренгу, стройся на походе. По смене всех часовых старого караула капралы берут у новых правую руку и командуют.

5

По смене всех постов капралы рапортууют унтер-офицерам, а унтер-офицеры своим офицерам, что: сдан или принят караул благополучно; сдача коли есть сходна; приказ генеральной, особливые, коли есть, на постах часовым объявлены, о чем офицеры кого надлежит посылают рапортовать мелд-ефрейтеров, и старого караула начальник приказывает при том своему мелд-ефрейтеру доложитца об отпуске старой команды в полк или роту. По возвращении их, получивши от них рапорты,

6

обоих караулов офицеры командуют: 1-е: «направо»; 2-е: «ступай»; рядовые, не теряя своей линии, на том месте заходят, где первой ряд зашел, обоюдно шеренги между собою свое расстояние хранят, и старого караула шеренги становятца у самых сошек; и как каждой в своем месте станет, то 3-е: «во фронт», упоминаетца, что всякому караулу всегда стоять в столько шеренг, во сколько ему на месте против 2 пункта I-го отделения сей главы быть положено. Чего ради, верстая оные по числу приводимых капралами команд, сменившихся с часов, начальник старого караула строит шеренги до получения от его подчиненного о всей смене рапорта.

7

Когда оба караула во фронт станут, командует отходящей: 1-е: «на караул», и прикажет ударить в барабан одно колено поход; 2-е: «в правую руку»; 3-е: «сомкнись»: отобьет; 4-е: «право или лево заходи»; а буде не один взвод, то первой взвод стой, протчие направо; а с одним взводом зашедши: 5-е: «стой»; 6-е: «ступай»; ударит и бьет с поля, пока из виду у настоящего караула отойдет.

8

При команде: «ступай»: настоящего караула офицер командует: 1-е: «на караул», и бьет поход, доколе старой караул его минует до 50 шагов; 2-е: «на плечо»; 3-е: «к ноге»; 4-е: «приставь ружье», буде к сошкам, а буде к стене, то, 4-е: «направо кругом», потом 5-е: «приставь».

9

Обоим караулам во время разводу на часы командовать к ноге; а когда из разводящих смену последний капрал приблизитца к которому ни есть крылу до 50 шагов, приказано класть на плечо; буде все посты часовых не далее 50 шагов, то к ноге не ставить.

10

Кроме как на постах у знамен и у генералитета, где часовые держат ружье у ноги, нигде часовым ружья к ноге не ставить, но иметь всегда на плече, а для отдохновения могут держать под курок и ходить на своем посту во все стороны по 6 шагов; а как скоро часовой кого усмотрит, кому честь должно отдать, стать и исполнять то бодро и добрым видом, коль паче часовой сидеть или ружье из рук выпускать отважитца не может.

§ IV. Как поступать старшему на карауле офицеру, сержанту, капралу и ефрейтеру

1

Караул содержать весьма строго, по силе военных правил, артикулов и полкового учреждения, и протчих на нем повелениев недреманно и осторожно, дабы из добрых солдат не сделать худых и за такую оплошность не подвергнуть себя к раннему взысканию.

2

Когда утреннюю зорю пробьют, всем быть исправно одетым, обутым, вычищенным и бело напудренным, до пробития вечерней зори, а по пробитии оной в ненапудренных буклях; токмо перед утренней зорей оные переделывать или, когда не испортит, сверху гребнем чесать, то же протчие волосы на голове, и косу переделать, снова бело, с водою, припудритца, только чтоб букля на сосульку не походила, и исправно вычиститца. А ежели пост у самой знатной особы, то быть всем исправно прибранным, пока она почивать пойдет.

3

Где фронт, а сошек не было, то по вступлении в караул приказать оные тотчас сделать.

4

Иметь от фронта вестовых в настоящих местах без излишества. Когда вестовой, для отдачи какой особе чести, или часовой, усмотрят оную прежде вестового, по способности своего места, и чтоб поспеть караулу в ружье стать, громко скажет: «к ружью», то сие того ж мгновения подтвердит громко ж стоящей у фронта часовой; караул выходит и становитца к ружью поспешно, однако без замешательства. Буде ж та особа скоро проедет, или нечаянно вдруг из переулка выдет, так что караул ему чести отдать не успеет, но для того не торопитца, и командовать порядочно: «ступай в ружье, к ноге, на плечо, на караул», сколько командир успеет, а кто от торопливости, дабы поспеть честь отдать, за ружье для делания еще не повеленного хвататца будет и произведет во фронте замешательство, того неослабно наказывать. Сие самое в отдании чести наблюдает всякой часовой, а за свою торопливость, в каком ни есть темпе, как только усмотрен будет, наказан быть должен без упущения.

5

Идущему с командою мимо караула: офицеру офицер приступит к ружью; унтер-офицер офицеру – отдает фронтом честь, а унтер-офицеру и всякой команде приступает к ружью. Всем штаб-офицерам и других полков по узаконенному в лагере и в квартирах отдавать честь фронтом.

6

Ежели усмотритца, что особа, которой честь принадлежит, пойдет или поедет, или команда пойдет позади фронта, фронту, положи на плечо, оборачиватца направо кругом и честь отдавать. То же исполнять и часовому.

7

Для разводу на часы становитца караулу во фронт. На знатные посты назначивать лучших людей. Во время разводу на часы командовать, как выше сказано, «к ноге»; ежели весьма много постов, как то в столичном городе, и скоро развесть не можно по отдалению их, то и «приставь»: капралы, заведя свои сменившиеся команды во фронт, тоже ружье приставляют, кроме последнего; при приближении последнего капрала к фронту до 50 шагов, все станут во фронт, и на плечо; потом ранжировать; при всех случаях рядовые сами собою шеренги дополнят, буде на карауле у военначальника, и оный, когда развод на часы смотрит в окно, то хотя не близко ко фронту, без его приказу к ноге не становить.

8

Капралам разводить на часы скоро и бодро, сомкнутыми рядами, какая бы грязь ни была, и подтверждать часовым, чтоб стояли осторожно и неоплошно, держали на плече и под курок, как выше сказано, а когда дождь, то держали бы от дождя, токмо как скоро увидит кому честь отдать, клали бы порядочно на плечо.

9

С караула командир никуда не отлучается. Ежели часовые близко, или не очень далеко, то в половине развода осматривают их капралы. А буде далеко, как то в столичном городе, то имеют капралы нарочно командированных для того без ружья к каждому по одному рядовому, за ефрейтеров, яко своих субалтернов.

10

За нуждами больше одного рядового с караула не отпускать.

11

Все, что рядовому на карауле исполнить должно, часто им подтверживать, дабы свою должность не забывали.

12

Караулу в хорошую погоду входить в караульную или палатку не дозволять, також и самому ходить и сидеть перед караульной или палаткой.

13

В караулах, как при всяких случаях, нижним чинам с господскими людьми, чьи бы они ни были, никакого сообщения не иметь.

14

Ежели рядовые в непристойные его должности работы употреблены будут, об оном той особе, у кого на карауле стоит, учтивым образом представлять и по возвращении в полк о том рапортовать.

15

Когда караул командирован к какой знатной особе, то по прибытии оного на его пост, буде то первый караул, спрашивать его адъютанта, ежели адъютанта не имеет, докладывать его самого о приказе, смене, сколько часовых и где расставить, где фронту быть или не быть, кому честь отдавать. Коли фронту быть повелено будет, то иметь вестовых и отдавать честь кому надлежит. А ежели не первой караул, то начальник получает наставление о всем, кого рапортовать и докладывать, от состоящего на старом карауле.

16

Караульным при боях утреннем и вечернем держать ружье у ноги до время молитвы, а перед молитвой подымать на плечо. При обоих сих боях, как и при сборе, где будет бой не на месте бить, выходить с обоих крыл при капрале или ефрейтере по два рядовых, а где мало

барабанщиков, то есть не свыше трех в одну шеренгу, то при капрале или ефрейтере с обоих же флангов по одному рядовому, коим в битье последней повестки самим ружье на плечо поднять, а к сбору изготовлены уже перед битьем; по прибытии на прежнее место оные сами собою поставят правой каблук к левой щиколотке и по знаку капрала, с которым ходили, в остальные два темпа сделают налево во фронт и поставя ружье к ноге. Все бои барабанные бить весьма крепко и скоро. В ту сторону, в которую барабанщики с битьем в барабан маршируют, должно им не ближе ходить как на 50 шагов. Учрежденные в полку молитвы читает наизусть по очереди рядовой, унтер-офицер, капрал или, ежели желает, и сам офицер. А к сбору прежде битья в барабан караул делает на плечо.

17

В середине времени между вступления к будущей смены в суточном, двое-, трое- и четверосуточном карауле начальник оного делает всем караульным краткое свидетельство в экзерциции один раз, в недельном один раз, краткое, другой раз полное первое свидетельство. В двунедельном против сего вдвое, в месячном вчетверо. И так поелику караул долговременен. Описание сим свидетельствам смотри пункты 12, 13 гл. II.

18

Караулу по смене сходить с посту порядочно, однако без медленности и поворотливо.

Грамота о пожаловании А. В. Суворову
25 апреля 1754 г. чина поручика.
Третья снизу — подпись В. И. Суворова

Начальник, приведши старой караул обратно в лагерь порядочно, и ежели был барабан, с барабанным боем, поставит оный против баталионной улицы на полковых линейках, сделает и с правой руки на плечо и посылает мелд-ефрейтера доложить майора о распусчении команды; и сержант, капрал и ефрейтер посылает о том докладывать адъютанта, а тот уже докладывает о том майора; получа приказ, командует «по-ротно сомкнись»; буде от одной роты, то просто «сомкнись, направо кругом, ступай в лагерь». В квартирах в столичном городе, доведши до полковых квартир или до ротных, откомандовавши «ступай по квартирам» и распустивши свою команду, рапортует сам офицер майора, нижней начальник адъютанта, и сей майора.

А в квартирах по деревням команда прежде распускается по-ротно, потом по обширности как способно по капральствам, определяя к каждому отделению по ефрейтеру, буде иных чинов нет, которые свои команды, как бы они малы ни были, представляют своим капралам, а оные уже их в квартиры распускают; капралы о их прибытии чрез мелд-ефрейтеров при обыкновенном суточном рапорте старшего сержанта рапортуют.

Глава II. О экзерцировании

Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для победения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость, и в начале господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило.

Экзерциция состоит: 1-е – в хождении и захождении, дабы солдат ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен был.

2-е – [в] скорой и исправной пальбе. И сие первое обучение движению ног столь паче нужно, как обучение в действии рук, что без него и исправнейшее действие в руках и штыком, как бы кто храбр ни был, бесполезно.

Довольно изъяснено в изданном 1763 года описании полкового строя в части I Глава 8, что при обучении приемам, в части II главе 13 в движениях, обращениях и маршировании, в части III главе 7, что при всякой пальбе и зарядании примечать надлежит.

Здесь прежде яко весьма важное назначить должно, как рекрут из новоопределенных, не поверставши с старыми рядовыми, надлежит обучать экзерциции.

1

Чтобы оные имели на себе смелой и военной вид. Головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнуты в прямоугольник держали, глядели бодро и осанисто, говорили со всякою особою и с вышним и нижним начальником смело, и когда он о чем спросит, чтобы громко отзывался, прямо голову держал, глядел в глаза, станом не шевелился, ногами не переступал, коленей не

сгибал, и отучать весьма от подлого виду и речей крестьянских, и тако обуча как стоять во фронте.

2

Потом обучать поворотам: по-одиначке, по-шестакам, по-шереножно и всею командою в три шеренги.

3

После приступить к хождению. Полной военной шаг аршин, больший шаг полтора аршина. Обучать сначала весьма тихим гусиным шагом, наблюдая прямизну стана в голове, груди, брюхе, коленях, носках и каблуках, как пред сим в 1-м пункте сказано. Потом делать шаг скорее; и наконец обучать сперва тихо, потом скорому шагу в полтора аршина. 1-е – по-одиначке: обоими шагами вперед; косым аршинным шагом; в принятии в бок на линии вправо и влево; в принятии в бок вперед, вправо и влево; к отступанию назад. 2-е – шестакми: сведя в шестак, а по недостатку примешавши старых, тихо и скоро сперва гусиным, потом вперед аршинным и полторааршинным; после того косым шагом на линии и вперед в обе стороны, отступанию назад; и после всего захождению, наблюдая прямизну линии вправо и влево; первоходящей на крыле делает шаг в полтора аршина, прочие при наблюдении прямизны линии потолку сей шаг убавляют, а последней шагу никакого не делает для соблюдения места незаходящего крыла, но токмо малое движение, надобно помнить обращение головы в сторону захождения, а в косых шагах в сторону принятия, и чтобы всякому рекруту, а особливо в захождении, досталось быть на крыле, против сего перемешавши старыми. 3-е – большою шеренгою. 4-е – командою в три шеренги и притом отступанию и приступанию задних и передних шеренг. 5-е – сдваиванию рядов, взводов и шеренг, после сего обучать:

4

снятию шляпы на месте одним темпом левою рукою во всю руку, в мимоходе на 24 шагах, то есть: 12 в шляпе сделать без всех темпов фронт в правую сторону, а с оным поворотом вдруг левою рукою снять шляпу и, несколько на месте постоявши, надеть шляпу, и с тем вместе вдруг и без темпов влево поворотитца и отойти 12 шагов; против сего и с поворотом влево в обходе на 24-х же шагах, 6 в шляпе, не останавливаясь, не дошедши 6, снять и пройти без шляпы на голове еще 6, итого 12 шагов, потом, не останавливаясь же, надеть шляпу и пройти еще 6 шагов.

5

Дать им ружье в руки и 1-е – научить, как оно держать и с ним во фронте стоять, 2-е – подтвердить с ним повороты, 3-е – все хождения, описанные в 3-м пункте.

6

Таким образом новоопределенных рекрут обуча сполна движению ног, надлежит обучать действию рук, прежде приемов по-одиначке, по-шестакам, большою шеренгою и целою командою в три шеренги. Счет между темпами сперва одиннадцать, потом девять, напоследок семь, когда одиначкою обучитца, приказывать каждому по окончанию приемов отдать честь и

громко спросить: «господин капитан, сержант, капрал, ефрейтер, то есть тот, кто обучает, что приказу», дабы заблаговременно к мелд-ефрейтерству привыкали.

7

После приемов скорому заряданию с примерною пальбою: 1-е – просто по-одиначке с оказанием всех темпов и приемов стоя. 2-е – с знаками⁵ по-шестакам и большою шеренгою. 3-е – скорому четверократному заряданию с примерною пальбою, то есть: стоя, сидя на колене, причем особливо садитца на колени твердо обучать, вставши, и с заряданием на левой стороне по-одиначке, и с знаками по-шестакам и большою шеренгою. 4-е – с сим последним на левой стороне заряданием для наступания с пальбою на фронт неприятельской, с хождением вперед, то ж по-одиначке, с знаками шестаками и шеренгою. 5-е – сведя всех, а по недостатку приме-шав старых, в три шеренги с приступлением задних на месте и передние садясь на колени по одному ряду, потом по два с искошением оных, и залпом с знаками, все тихо, потом с знаками для примерных выстрелов скорострелков. 6-е – сие все обучение подтвердить в зарядании, где надлежит с знаками в примерной пальбе и в одиначке с командою, и в прибавок к тому отступную пальбу и в марше по рядам батальонов огонь.

8

Напоследок приступить к пальбе. Сему обучению 4 пункт во всем точным примером и основанием; то же действию ружьем, как и там, кроме того, что здесь уже все действия с патроном. При сем весьма наблюдать, чтоб оный из сумы скоро вынут был, исправно скушен, тряхнув один раз на полку, скоро опущен в дуло одним разом и крепко шомполом прибит.

9

Наконец обучать рекрута, как поступать при смене на часы и с часов, как содержать пост часового, как окликать рунд и дозор, исполнением на молитву и на плечо с снятием и надеванием шляпы в пять приемов. Потом мелд-ефрейтерству, как в оном образе рапортовать, принять приказ и оный исправно отдать. Тем рекрут свое экзерцирование окончит и войдет в ротной строй с старыми рядовыми. В капральстве своем обучаем он бывает учрежденным при полку молитвам и содержитца во всегдашнем свидетельстве и подтверждении экзерциции.

10

Когда мушкетер в суме, то ни перед кем не останавливаетца, шляпы не снимает и идет своею дорогою бодро, то же когда с ружьем, но только держит его на плече круто. Когда мушкетер без ружья и сумы и должен своему вышнему отдать поклон, то, не доходя до него 6 шагов, поворотясь к нему лицом в лицо, без всякого темпа весьма проворно снимает шляпу левою рукою за пристяжку в левом углу и спускает вниз во всю руку по правую сторону тесака; а ежели что оный ему приказывать или говорить с ним станет, стоит до окончания без шляпы, а когда будет в отдалении шести шагов от своего начальника и офицера, опять надевает шляпу и идет дале, поворотясь, куда ему дорога, проворно без всякого темпа; ежели для скорости ему надлежит обойти офицера по той же дороге, то идет не останавливаясь и, поравнявшись

⁵ То есть с обозначением выстрела.

так, чтоб ему на 6 шагов обойти его можно, снимает шляпу, и обошед, идет еще ненакрытой 6 шагов и наденет шляпу.

Буде же начальник, его пропустя, к себе позовет, прикажет куда идти или что делать, а он уже шляпу надел, то другой раз шляпы перед ним не снимает и говорит с ним накрытой, хотя бы он сам без шляпы был. Мушкетер також снимает шляпу перед его нижним начальником, яко то: унтер-офицером, капралом, ефрейтером, токмо в мимоходе не останавливаетца и по трех шагах опять надевает, а на месте немедленно по снятии, разве сделает поворот к нему в лицо, когда он его позовет или что приказывать станет, в ту пору он до окончания без шляпы; напротив того, тот его начальник шляпы перед ним не снимает.

Других полков нижним начальникам токмо тогда делать снятием шляпы поклон, когда он командиром, а хотя и нет, однако для оказания его чину почтения, то же делать, когда он говорить или приказывать будет. Для оказания почтения старшему сержанту той роты, которой он, все унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры против сего при встрече и мимоходе снимают шляпу, он им тем же соответствует, ежели успеет. Между собою ж унтер-офицеры, капралы и ефрейтеры то ж левою рукою отрывно и вдруг снимают шляпы, младшие перед старшими токмо при рапортовании без ружья и сумы, и тотчас опять надевают, в других случаях, також кроме принимания приказы, как они, так и рядовые, между собою сошедшись, шляп никогда не снимают, но имеют исправно надетые на голове.

Конный гренадер
в форме 1756—1761 гг.

11

Буде нижние чины в отлучке или в карауле свыше недели при начальнике от полку, и когда оные в роту придут, ежели по свидетельству ротного командира явитца, в которой части экзерциции кто не исправен, то коли его роты начальник, взыщет сам на нем по его изволению, а ежели другой роты, тогда рапортует о бывшем слабом смотре за его одним или несколькими подчиненными полкового командира, и хотя бы тот ротной командир ни одним классом ниже чином был прибывшего из отлучки начальника, кроме того, что иногда таковых прибывших в полк полковой командир сам или по его приказу кто свидетельствует.

Наблюдение сего пункта тем важно, что таковой начальник, будучи в отлучке, не попустит впасть в ослабление его подчиненным и нареkanie полку не наведет.

12

Свидетельство в частях экзерциции в роте, в капральстве и отдельной команде есть следующее: 1-е – в хождении, имянно: вперед тихим аршинным шагом тридцать шагов, скорым аршинным шагом тридцать шагов, тихим в полтора аршина тридцать шагов, скорым в полтора аршина тридцать шагов, в принимании аршинным шагом в бок на линии вправо и влево по тридцать шагов и в принимании вперед вправо и влево по тридцать шагов, отступление назад шесть шагов и гусиной шаг. 2-е – в приемах полковых и ротных между ими счет семь и поворотам. Гранодерам сверх того бросание шлаг. 3-е – четверократное скорое заряжание с примерною пальбою, имянно: стоя, сидя на колене, вставши и зарядя на левой стороне по одному разу. 4-е – снятие шляп на месте, в мимоходе и обходе.

Против сих четырех примечаний свидетельствовать и обучать: Первое – одинакою, разумеется, что тут гусяного шагу нет. Второе – шестаками. Третье – большею шеренгою, против первого примечания, причем крыльные, то есть фланковые, надлежаше наблюдать; потом захождению четвероугольником вправо и влево, где особливо крыльные их должность порядочно наблюдать, а в шестаках в три перемены, чтобы всем досталось крыльными быть, и гусяным шагом; против второго и третьего примечаний четыре флигельмана в отдалении от фронта в четырех шагах; против четвертого примечания в мимоходе, с захождением шестака и шеренги на обе стороны, в обходе с приниманием шести шагов вперед полных вправо и шести влево без шляпы, потом то же напротив для обходу с левой стороны.

Четвертое – капральством и отсутственною командою, против первого примечания, в три шеренги, приступанию и отступанию задних и передних шеренг, причем заднюю шеренгу чередовать: прежде без приступания, после с приступанием шеренг, а потом захождению направо и налево в четвероугольник и гусяным шагом; против второго примечания, с четырьмя флигельманами от фронта в четырех шагах; 2-е – с командными словами и где барабан, то третья по барабану; против третьего примечания и четвертого – как сказано о шеренгах и шестаках; в гранодерском капральстве делить капральство для бросания шлаг на два взвода и отсутственную команду, буде столько в ней людей есть. Пятое – то же исполнять целою ротою, что и капральством, токмо при бросании шлаг делить гранодерскую роту на 4 взвода.

волеию приступит и пропусканию рунда и окликанию и пропусканию дозора. Начальники в капральствах то же чинят.

13

В карауле начальник караула делает своим подчиненным против 12 пункта первое свидетельство. В недельном – два раза: один раз полное, сколько ему на то число его команды дозволит, другой раз краткое, то есть по-одиначке, с прибавлением шеренгою гусяного шагу, в двунедельном – вдвое и так далее. В маловременном же только краткое один раз, как то повелено в 14 пункте 4 отделения I главы.

14

Обучение же полной роте, капральству или отсутственной команде, сколь далеко она числом своим дозволит, производить во всем точно против описания полкового строю 1763 года и из оногo в полку сокращенного строевого устава.

15

При церковном параде наблюдать весьма исправность в хождении и захождении взводов и поступать по нижеследующему: взводы, роты, капральство, команда или часть капральства, дошедши до церковных дверей, начальник командует: 1-е – «стой» и построить с командным словом, 2-е – как надлежит фронт, 3-е – «шапки, колпаки или шляпы долой», 4-е – «справа ступай»: входят в церковь и кладут шляпы, колпаки или шапки в один угол, а особливо шляпы подмышкою и в руках мять не дерзать. По окончании Божией службы разбирают оные, по выходе из церкви сами надевают и по командному слову: 1-е – «стройся» – весь фронт порядочно построить, 2-е – по-взводно, или по капральствам, или по частям капральства, или просто, ежели один взвод, – «сомкнись», 3-е – буде по-взводно, то «право стой лево заходи, или лево стой право заходи, или первой взвод стой, протчие направо» и 4-е – «ступай», по чем то же порядочно отходят.

Глава III. О убранстве и чистоте

§ I. Как по сему поступать

1

Надевать шапки гранодерские так, чтоб передней край шапки был на самых бровях, мало нечто искося на правую сторону. Медь так чистить, чтоб от нее был блеск. Шапок кроме караула не носить, но ходить в колпаках, колпак тако ж на правую сторону искошать.

2

Мушкетерам надевать шляпы, чтобы был передней угол против левого глаза, тульи край на правой стороне на самой брови, а против левой стороны выше брови на два пальца. Полям у шляп быть на два с половиною вершка, бант и обшивка весьма бело вымытые и кисточки крепко пристроены. Шляп подмышку отнюдь не класть и в руках не мять, но всегда она выправлена, чисто вычищена, исправно и крепко связана и поля ни мало не погнуты. Кроме караула и большого полкового строю шляпы носить старые с бантами без обшивок и кистей, токмо исправно связанные и не погнутые поля.

Пришиты к шляпе в 6-ю долю вершка черные ремешки, один длинной под серединою заднего поля скважиной, другой короткой под серединою левого угла с пуговкою, на которую длинной ремешок застегивать, пропуская под косу.

3

Косы на проволоке в длину по нижней край портупей, крепко привиты к затылку вверх от волос на один палец, сверху и книзу выгнутые, и снизу выгибка в кружок на один палец выше верхнего края портупей, так чтоб чуть сумы не доставало; вверху комель, в окружении с волосами и лентою в два вершка с половиною, спустя вниз в размер. Вверху волосяной бант внизу на вершок волос. Ленте быть довольной длины, применяясь сколько по размеру каждого стана надлежит, чтобы ее для крепкой и частой увивки довольно стать могло, и отнюдь бы лента грязна не была, но всегда чиста.

4

У волос с темя на середине завивать волосяную косу, которую ввязывать спустя в лентошную косу. Тупеев не иметь. Виски оправливать всем одинако, как и ныне в полку учреждено, в длинную одну буклю, но расчесанную и зачесанную порядочно, чтоб на сосульку не походила, в мороз делать оную шире, чтоб закрыла ухо. В большем полковом строю, в церковных строях, на караулах и во всяком городе, когда по улице идти, быть бело с водою напудренным однако так чисто, чтоб не было виду, будто букля прежде водою не напыскана, но облита и пудрою не навеена, но обмазана. На квартирах внутри лагеря, в деревне, в малом полковом строю, в ротных строях и по капральствам завивать виски – каждой висок ровно и хорошо в три бумажки в длину, а сзади завивать волосяную тройную косу и, перегнувши, привязывать у затылка и в том месте черной бант, кроме того как на квартире и в палатке.

5

Галстук шириною в вершок: один волосяной черной с тонкою кожаную черною обшивкою на 6-ю долю вершка, другой красной камлотовой против того ж, с тонкою белою полотняною обшивкою. Обтянут около шеи крепко, чтоб от манишки или рубашки воротника изпод него не видно было, и без морщин. Пряшка назади против косы. Красный носить только в карауле, в большем полковом строю и церковных строях.

6

У рубашки или манишки в скважины ворота продевать тесьму, тою тесьмою обернувши около шеи, завязывать сзади, а потом заворотить обшивку на тесьму, чтоб обшивка из-под галстука не выбилась. Обшивкам у рукавов быть у самого сгиба кисти руки, манжетам быть тонкого полотна в вершок. Во всяком карауле, большем полковом и церковных строях быть всегда в белой рубашке или манишке, в протчее время хотя не в белой, однако чистой. Сверх того иметь белую рубашку или манишку в запасе.

7

Портупею иметь повязанную нижним краем к самому лифу, всякому по своему стану – ни туго, ни слабо. Пряжка против самых пуговиц. Лопасты тесачные пришиты к левой бедре столько назад, чтоб только ружье свободно на плече держать можно и в экзерциции ефес бы не мешал. Портупея всегда бело выбелена и зубком крепко вылощена. Пряжка на портупее и ефес с крючком у тесака так всегда вычищены, чтобы от них был блеск.

8

Верхнему краю суме на перевязи против верхнего краю портупеи. Пристегивать суму прорезанным ремнем на пуговицу, пристроенную на портупею, или когда в кафтане, а портупея по камзолу, на кафтанную фалдинную. Концы у перевязи крепко к суме пришиты и чтобы ни мало не сжимали. На плече пристегивать перевязь кафтанным погоном. Перевязь бело выбелена и зубком вылощена, кожа на суме воском натерта с лоском и герб с блеском вычищен. Погон всегда выправлен и вычищен, носить оный в караулах, в большем полковом и церковных строях и только в городах. Гранодеру фитильную трубку чистить с блеском.

9

Штанам сидеть гладко длиною за колено ниже чашки на один палец и вдернутым снурком завязывать и под коленом крепко, чтоб вверх не подымались и из-под штиблет не выбились. На поясу сидеть крепко, чтоб рубашка не выбивалась.

10

Чулочк вытягивать крепко и подвязывать за коленом.

11

Штибель-манжетам быть длиною в 4 вершка, чтоб можно их было четыре раза надевать, складывая их пополам и выворачивая из-под штиблетных раструбов или из-за сапожных голенищ, более бы их не видно было как на один палец.

12

Башмакам быть по размеру каждого, не широким и не узким, чтоб можно было в морозы в них соломки или охлопочков положить, а паче не коротким, дабы в ходьбе ног и пальцев не обтирали, отчего солдат в походе часто не может за прытками следовать, но прямо бы на ноге сидели. Ключам у оных лежать на самом сгибе плюсны. Задку на пяте быть от каблука два вершка.

Каблукам в полку одинаковой вышины. Застегивать башмаки не пряжками, но шнурками, проколовши на каждом ключе по скважине – одну против другой, в кои протернуть шнурок, ключу одну на другую положить, стянув шнурок, завязать и концы спрятать. Всегда им быть исправно вычиненным, вычищенным и намазанным, ежедневно переменять их с одной ноги на другую, чтоб не сносились и в походе и ходьбе ног бы не портили.

13

У штиблет внизу помочам по сторонам ноги быть в такой мере, чтоб их не больше половины вершка видно было. Стрелка столько близка к башмашному носку, чтоб из-подысподи ее и с боков ключ совершенно не видно было. В середине икор свободнее, чтоб не морщились. Первая подвязка узкая сверх штиблета возле краю штанов, другая подвязка шире под штанами, для холстины, пришитой сысподи штиблет, под первой подвязкой, которой холстине быть за коленом три вершка, а вытягивать ее и штиблет и подвязывать крепко. В средину у раструб против боков выемка на один палец, раструбной выемке сидеть на самом сгибе колена. Штиблетам быть крепко ваксою смазанным и вычищенным, пуговицы на них вычищены с блеском, також и пряжки у раструбов. В сухую погоду надевать штиблеты и башмаки, а сапоги в одну грязь, в походе же как приказано будет.

14

Сапоги вытягивать и подвязывать крепко за уши под коленом. Голенищи хотя длиннее, однако их у краю штанов порядочным сгибом напустить, так чтоб край выемки был на самой чашке колена, а выемке быть в самой середине спереди и сзади, против боков, не свыше одного пальца. Каблуки в полку в один размер. Сапоги чистить и крепко ваксою смазывать, носить и в грязь и в походе.

15

Гранодерам усы иметь полные, по обрез между верхней и нижней губы, нафабреные, зачесанные вверх и несколько на обе стороны вкось. В середине, под носом, посредине губы выбривать на одну 6-ю долю вершка. Борода у всех всегда чисто исповыбрита.

Бегство Фридриха II от русских казаков
во время Кунерсдорфского сражения 1 августа 1759 г.
Гравюра 1793 г.

16

Кафтан и камзол всегда вычинены и вычищены, також и штаны, и когда где надобно положить заплатку, то чтоб совершенно было того ж цвету. Пуговицы на них все нашиты и вычищены с блеском.

17

Плащи свертывать изнанкою внутрь. Носить оные через правое плечо, к нему искося, на белом ремне; тот ремень посреди внутрь свертка пропущен, с правой стороны оба конца сойдутца, к верхнему пришить из тонкого ремешка кончик с скважиною, а к нижнему пуговица, и застегнут петелькою верхней на нижней край близ самого плаща, только так узко тот ремень был бы застегнут, чтоб свертка самому никак бы надеть не можно было, но застегивает его через плечо товарищ. Края круто сверченного свертка стянуты белыми ж короткими ремнями на пряжечках, коим лежать на свертке снизу и более от спины, чтоб за кафтан не зацепляли. Конец свертка приведен книзу и чтоб оный был не виден. Сверток в ширину 9 вершков. Ремни в ширину полвершка. Стягивательные ремни лежат от краев плаща на вершок. Ремням быть всегда бело выбеленным с лоском и пряжечкам с блеском вычищенным.

18

Белить перевязи, портупей и плащные ремни следующим образом: прежде вымыть весьма чисто и выскоблить ножом, потом, разваривши клей в самой чистой воде не очень густо,

оним вымазать и, наскобля ножом мелкого сухого мела, помачивая палец в клей, растирать мел по ремню, потом, помачивая руку в чистой воде, растирать, чтоб везде ровно было, после высушить весьма сухо, а как высохнет, то лощить крепко ремень свиным зубком.

19

Ружье столько вычищено, чтоб от железа был блеск. Курок и шурупы смазаны, чтоб не заржавели, а в карауле сухо вытирать, чтоб кафтан не марался. Скобки крепко привинчены. Ружье везде вычинено и в исправности, кремнь ввернут доброй и ложа всегда вычернена.

20

Когда кто командирован на караул или отпущен в город и в штаб, то хотя по осмотру оный отпущен был в полном убранстве и чистоте, однако по приближении к тому месту ему, остановясь, снова вычиститца, прибратца и припудритца.

21

Господам обер-офицерам для уравниения иметь черные кожные штиблеты с раструбами, медными у раструбов пряжками и кожеными пуговицами всюду в размер. У шляп поля в 2 ½ вершка, на них кисточки с углов, чтоб не висели, но в половину краю пришиты были. Косы такой же меры, как у рядовых, на них банты волосяные черные, галстуки волосяные черные шириною в вершок, с белую обшивкою шириною на 6-ю долю вершка. Манжеты длиною в вершок. Шпаги носить круто под самой боковой располос. Перчатки небольшие лосиные. Знаки на черных ленточках. Сие служит для парадов, однако и в протчие дни офицеру носить то, что солдатскому виду прилично.

§ II. Что к сему потребно

1

Суконной пингоф, в котором не менее 12 добрых обваренных кремней, и для твердой привертки обогнутых в свинце, по верхнему краю свинца вырезать мелкие зубочки, чтоб глаже на кремне свинец сидел; для смазывания у ружья винтов и шурупов в бумажке или тряпичке кусочик ветчинного сала.

2

Отвертку, пыжевник и трещетку всегда иметь в исправности и несколько спичек, проволоки для прочистки затравки и для того щеточку из щетины.

3

Для убирания волос гребень, кусочик вакс-помады, то есть свешного сала, слитого с воском, токмо в нем столь мало воску, чтоб вакс-помад был больше слаб, нежели крепок, и пудры четверть фунта с кисточкою в мешечке.

4

Для починки мундира несколько игол в игольнике или на суконке и ниток в узолке с кусочком воску. Большие иглы и нитки служат для буклей у волосов, а воск для натирания сумы и вакс-помады.

5

Для починки обуви сума с шильцами, несколько вервяных концов или щетины и кусочик смолы и лоскуток кожицы.

6

Для чищенья ремней ножик, мелу полфунта, клею мездрильного четверть фунта и для натирания и лощения ремней и сумной кожи зубок свиной. И для перетириания щеточку из щетины.

7

Для усов ступочка фарбы с гребенкою.

8

Для чищенья обуви щеточка и ступочка ваксы.

9

Для чищенья железа и меди терку и мелкого песку маленькой мешечик и лоскуток суконца и жженой глины кусочик с щеточкою для меди.

10

Для всякого мытья мыла полфунта. Командированному в отлучку и в караул свыше недели нижнему чину строевому все вышеописанное иметь с собою в ранце. А командированному в недельной и маловременной караул только гребень с вакс-помадом, пудрою и кистью, игол и ниток для буклей, щетку с ваксою для чищенья обуви, лоскуток суконца для отирания ружья, и гранодеру фарбу с гребенкою для усов. В палебной экзерциции иметь каждому при себе отвертку с проволокою и два кремня в кармане.

С 1 апреля портупей по камзолу, у кафтанов застегнуты лацканы, а отворочены от лацканов по две петли вверху, с 15 апреля у кафтанов лацканы расстегнуты, а только вверху застегнуты первые два крючка, и в белых штанах; с 1 мая до 15 августа в камзолах и белых штанах. С 15 августа до 1 сентября кафтаны надеты. Лацканы расстегнуты и грудь на двух крючках. С 15 сентября в красных штанах. Лацканы застегнуты и края на две пуговицы отворочены. А с 1 сентября портупей по кафтану.

Глава IV. О воинском послушании, распорядке и должностях

§ I. О должности ротного командира

1

Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оный опорачивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять. Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был, пред своим начальником к лутчему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не имело виду какого непослушания. От послушания родитца попечительное и непринужденное наблюдение каждой своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок.

2

Ротной командир яко Глава роты за всякое в ней неустройство, самовольство и ослабление отвечает полковому командиру один.

3

Без его дозволения, кроме узаконенного, никто в роте ничего не предпринимает.

4

К своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем.

5

Имеет всегда при себе: 1-е – описание полкового строя 1763 году⁶; 2-е – сокращенной строевой устав⁷; 3-е – полковое сие учреждение с принадлежащим при нем; 4-е – списки: ротной, послужной по капральствам, ранжирной и краткой переключной с своею отметкою, кто куда командирован, дабы полковому командиру без дальних справок о каждом отвечать мог; наблюдает, чтоб один перед другим в лишнюю очередь командирован не был, разве за доброе состояние кого обলেখит, а другого за наказание в лишнюю очередь командировать старшему

⁶ Пехотный строевой устав 1763 г.

⁷ Сокращенный вариант того же устава, составленный в Суздальском полку.

сержанту прикажет; також буде в квартирах по деревням имеет в перекличном отметку, кто в которой деревне стоит; 5-е – семидневный рапорт с расходом; 6-е – ротную о вещах табель с их сроками. И когда в квартирах: 7-е – ведомость о квартирах по капральствам.

6

Знает имянно всех в своей роте нижних чинов, дабы о каждом пред своим командиром ответствовать мог, и, будучи сведущ о способностях каждого, исправнейшего от других отличает. Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко то: склонен к пьянству или иному злomu обращению, неприличному честному солдату, то стараетца оного увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешенное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние.

7

Ежели из унтер-офицеров или капралов кто в поступках испортитца, так что трудно будет его поправить, о таком представляет полковому командиру: оный по обстоятельству лишен будет своего начальнического чина.

8

Старшего сержанта от роты не отлучать и не командировать. Ежели провинитца, то капитан его ставит под ружье. А ежели старшей сержант испортитца и ослабее, то по представлению капитанскому, что его должности править не может, от полкового командира лишен будет сего чина.

9

Военные правила, полковое учреждение и временные полковые приказы накрепко наблюдает и по должности каждого в роте за оные взыскивает и наказывает без послабления.

10

В лагере всякой воскресной день и праздник три или четыре часа перед обедней приказывает перед ротую читать: военных артикулов одну или две главы, из описания полкового строю 1763 году одну главу из следующих: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю и полкового учреждения одну главу, а сей главы третью часть, список о ротных вышних и нижних в полку начальниках, дабы имянно об них каждой яко случающихся командирах известен был. То же делает в квартирах, когда собирает роту, прибавляя к тому список его роты в отделенных от капральств частях рядовых за ефрейтеров, сколько их случитца, кои в тех деревнях над сими частями начальствуют. Затем ежели будут полученные в роту публикации с указов и ордеров.

11

С своими субалтерн-офицерами поступает благопристойно и того репримантует без суровости, которой неадектелен в его должности и исполнении его приказа явитца.

12

Наблюдает хозяйство в роте и попечительное за всеми вещами смотрение. И часто посещает ротной цейхгауз.

13

За капралами и командирами капральств имеет строгое надзирание, чтоб они их должность неослабно наблюдали (в чем их должность, сказано будет ниже), за рядовыми накрепко смотрели, чтоб они не делали какой отвычки в содержании самих себя в приборе и опрятности, в хранении в целости и чистоте их вещей, и ни мало в чем в которой ни есть части экзерциции до забвения не допускали. Також строго взыскивает на правящих должности каптенармусе и фурьере за какую в ней оплошность.

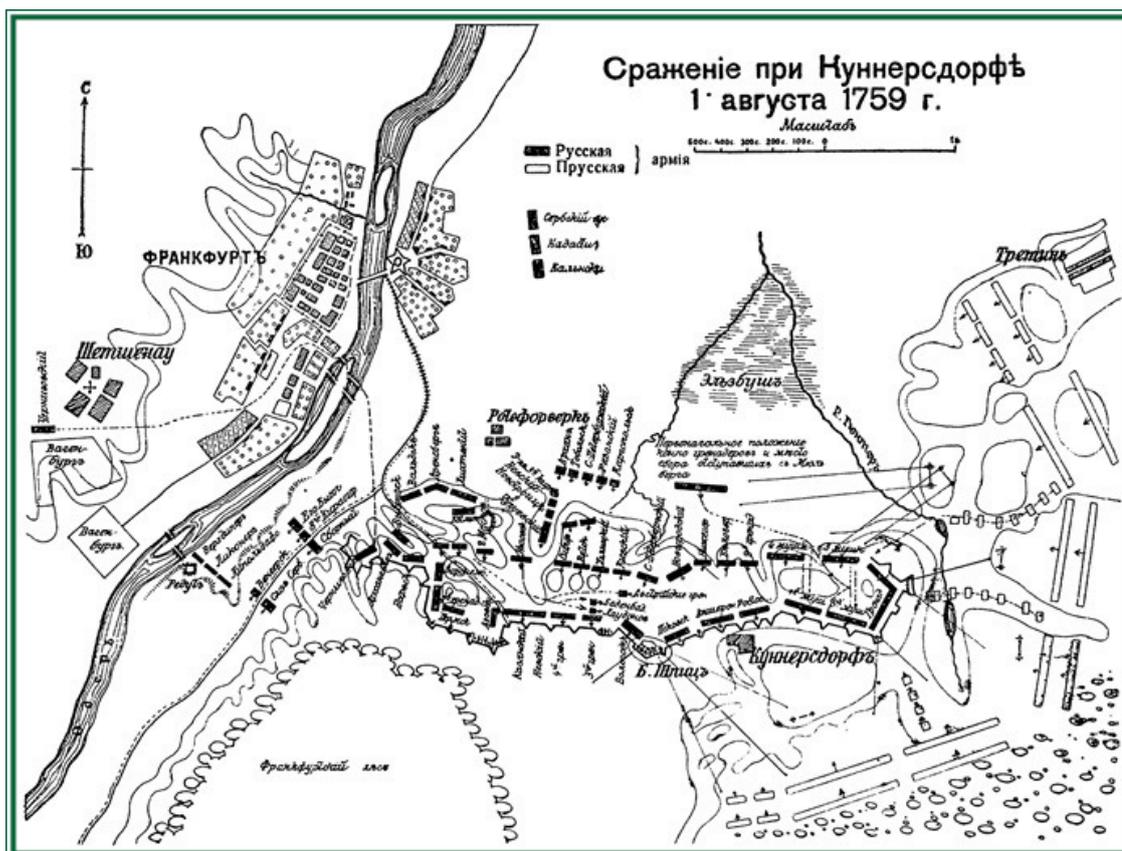

Схема расположения войск русской и прусской армий при Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

14

Командирам капральств о оружейных, мундирных и аммуничных состоящих в их капральстве вещах дает табель за своего рукою, дабы они об них сведомы были, которую в случае их смен они друг другу сдают.

15

Получает, кроме что о роте от старшего сержанта, ежедневно рапорты от капральств чрез мелд-ефрейтеров от капралов. Сверх того в обширных квартирах от ефрейтеров, начальствующих в отдаленных деревнях частями капральств, как о том сказано в главе VI 5-м пункте I отделения.

16

В лагере поутру и ввечеру сам ежедневно рапортует майора. В квартирах полкового командира и майора в месяц один раз, и когда в штабе.

17

Обыкновенно отсылает в полк за своею рукою семидневные и месячные рапорты, упоминая внизу, кто из нижних чинов его роты чем неудовольствован, во всяком. С прибылью и убылью табель о вещах по третям года. Месячную о провизии ведомость.

18

Во всякой караул или команду ротной командир наряженных нижних чинов прежде отпуску в штаб в чистоте и исправности всех вещей осматривает сам, и буде же с ружьем, то приказывает делать к заряду: «открой полки», и осматривает, полка чиста ли, потом «закрой полку», «обороти ружье», «вынимай шомпол», «прибей заряд», ежели конец шомпола найдется чист, то доказывает, что и в стволу чисто.

19

Против сего ротной командир осматривает командированных в отлучку нижних чинов и имеют ли они против 2 отделения главы III надлежащие в ранце вещи (то же чинит в осмотре сих вещей командированных в караул свыше недельного, а в маловременной – как сказано в конце помянутого отделения), а буде начальником наряженной от полку команды его роты, то имеет ли он (разве неграмотной) при себе: полковое учреждение, сокращенной строевой устав и из описания полкового строю 1763 года 3 главы, то есть части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; напоминает им кратко, чтобы они, будучи в отлучке, хранили их должность, наблюдали военную исправность и бодрость, подлых поступок были чужды, всех частей экзерциции не забывали и содержали себя в учрежденных при полку убранных, опрятности и чистоте. Потом приказывает старшему сержанту отпустить команду в штаб.

20

Когда из нижних чинов кто из отлучки или с караула свыше недельного в роту прибудет, ротной командир осмотрит на нем все его вещи до малейших мелкостей, и когда на нем что исправить и починить следует, то прикажет оное ему в капральстве немедленно исправить и о том себя капралу рапортовать, а ежели что попорчено в ружье и тесаке, то приказывает сие немедленно ж каптенармусу исправить и себе показать, на срок.

21

Что ж принадлежит до свидетельства в экзерциции, таковых возвратно в роту прибывших из отлучки или с караула свыше недельного, на другой день оных собравши, с помощью старшего сержанта и ротного экзерцирмейстера делает им против 12 пункта II главы первое и второе свидетельство по-одиначке, а ежели их столько будет, то против первого також шестаками и шеренгою.

22

При собрании роты для экзерцирования имеет на себе шарф и командует с ружьем или шпагою в руках.

23

В лагере: ротной командир по получении рекрут в свою роту прикажет того ж числа их каптенармусу обмундировать и надлежащими вещами удовлетворять. Потом приказывает старшему сержанту их распределить по капральствам, назнача в которое имянно и в которую артель. Капрал определяет к каждому одного старого рядового, ради обучения его в экзерциции, должности, соблюдении в целости и чистоте вещей и содержании самого себя. В будни ежедневно рано по утрам и пополудни с их учителями собираютца они для экзерцирования к старшему сержанту, который имеет в том себе помощника ротного экзерцирмейстера. Старшей сержант им несколько часов в день дает для отдохновения и приучения описанного сей главы 5 отделения в 9-м пункте в должности капрала.

Ротной командир ежедневно, когда при роте, сам по сему пункту надзирает. И имеет времени для совершенного обучения рекрут целой месяц. К сему сроку прикажет каптенармусу их запасти вещами против 2 отделения III главы из их собственного, а по недостатку из ротной экономии заимообразно. В обучении экзерциции и прочего наблюдать, чтоб поступало было без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим. Что одно за другим в экзерциции обучать, узаконяют 9 первые пунктов второй главы.

Когда во всем, что до его должности рекрут будет исправно обучен, ротной командир, не ожидая приказы, к сроку или прежде срока представит его полковому командиру. После употребляет его в ротной караул три недели не меньше шести суточных смен; а потом и в полковой караул три недели не меньше трех смен. После чего очередует с старыми в караулы и иногда в ближнюю ротную и полковую отлучку токмо при старых от причисления его в роту до полугоду. Напоследок и в дальнюю отлучку, токмо в первой раз не одного, но вместе с старыми рядовыми. Определенного из других полков и военной команды чрез старшего сержанта и сам свидетельствует и исправляет во всем, на сие имеет сроку от трех дней до недели, по окончании

которого представляет полковому командиру. А определенной из команды невоенной – тот же рекрут.

Суворов беспрестанно повторял, что солдат и в мирное время «на войне», и поэтому кроме обыкновенного воинского ученья он изобретал свои особенные «экзерциции», где можно было показать силу, ловкость и отвагу. Устраивая с полком различные учения, он желал показать солдатам примерный штурм. Будучи еще в чине полковника, Суворов командовал Астраханским полком, который располагался в Новой Ладоге. И вот однажды, идя с полком из Ладоги в Петербург мимо какого-то монастыря, в пылу воображения он составил план приступа, скомандовал «на штурм», и полк его бросился на монастырские стены. Солдаты взобрались на них с криком «ура». Суворов извинился перед испуганным настоятелем, что учил своих солдат.

24

В обширных квартирах по деревням в обучении рекрут ротной командир поступает против сегож; токмо с тем различием, что оных в капральствы прежде не распускает, но содержит в той деревне, где его квартира, пока всему обучены будут. Для чего к каждому рекруту определяет одного старого рядового по его усмотрению, который своего ученика по отпуске от экзерциции обучает повеленному в 9-м пункте 5-го отделения сей главы. Також, что и до определенного из другой военной команды, пока во всем исправлен будет. Что же до употребления рекрута в полковой караул в три недели не менее трех раз, так ежели в то время от роты столько раз наряду не будет, представляет его от роты в штабную квартиру, для отправления гауптвахте сего караула при команде от другой роты.

25

Определенного в роту унтер-офицера или капрала из других полков и корпусов ротной командир свидетельствует и в незнании каком исправляет. Но как случаетца, что такой определен бывает из писарей и других нестроевых и невоенных чинов, так хотя бы он был сержант и старше протчих, поступает с ним как с рекрутом. А когда с помощью старшего сержанта он его должности рядового к убранству, содержанию и чищению вещей и себя в опрятности и приборе, всем частям экзерциции стоянию и смене на карауле и на часах, в принадлежащем окликании и протчем до рунда и дозора, собственным его опытом и напоследок с прибавлением частей унтер-офицерской экзерциции при себе обучит, отправляет его в капральство, где он правит должность ефрейтера того капральства, когда по свидетельству ротного командира он правление капральством довольно знать будет; обучает его при роте всей капральской

должности в карауле; а как уже во всем принадлежащем до должности капрала искусен будет, обучает его содержанию караула как унтер-офицера и определяет его командиром в капральстве яко унтер-офицера.

На сие ротной командир имеет сроку восемь недель, а для капрала шесть недель; по прошествии коего, или буде поспеет прежде, представляет его полковому командиру. Потом не прежде того он наряжаетца от полку исправлять три недели не менее трех раз полковой караул; напоследок он командируетца и в отсутственные от полку караулы, также и ближние от роты и полку отлучки, но не прежде главным, пока отправит по одной как подчиненной, в дальнюю же отлучку до полугоду от его прибытия в роту не посылаетца, и в первую подчиненным. Наконец будет с прочими старыми в полку очередован и по случаю начальником. Против сего как приучать дворянина, сказано сей главы в 7-м отделении ниже о подпрапорщике.

26

Ослабевшего рядового берет под собственной свой присмотр и препоручает исправлять старшему сержанту.

27

Учрежденные при полку молитвы суть: 1-е – «Господи Иисусе Христе Боже паситель мой», 2-е – «Символ Веры», «Верую во Единого Бога», 3-е – «Отче Наш», 4-е – «Богородице Дево радуйся». Оные всем нижним чинам твердо знать и ежедневно поутру и ввечеру по оным Господу Богу молитца, читая их каждой вслух и наизусть.

28

В лагере, також и в квартирах где случитца, ротному командиру в артелях наблюдать доброй порядок и крайне надзирать, чтоб рядовым в провианте, когда по неумеренному или порочному употреблению оногo не случилось недостатка, хлебы гораздо бы выпекали, сколько им их содержание дозволит, всякой день ели теплое варение; ежели что в медном котле варено, то варить столько, чтоб на один завтрак стать могло, дабы не отмеденело, а на ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котел чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья. Староста артельной должен быть честной и благочестивой человек, довольно признанной таким от ротного командира и от всей артели содержан быть в почтении.

Канонир артиллерийского полка
в форме 1757—1758 гг.

Нижним чинам вино и протчее пить не запрещаетца, однако не на кабаке, где выключая что ссоры и драки бывают и военной человек случаетца во оные быть примешен; по крайней мере через сообщение тамо с подлыми людьми он подлым поступкам, речам и ухватке навькнуть может и потеряет его от них отменность. Чего ради, вшедши в кабак и купя пива или вина, идти немедленно из него вон и выпить оное с артелью или одному в лагере ж или в квартире,

однако и таким образом входить в кабак с дозволения своего начальника, а на кабаке пьют профосы.

30

Когда капитан командирован будет от роты в отлучку и отсутствующую команду, в коей не меньше месяца должен пробыть, тогда сдает роту старшему по нем в роте офицеру, людей по спискам и вещи по табели, и дает ему письменное наставление, как до него роту содержать и его когда и где рапортовать. Однако как по подобному же командованию тот командир ротной переменитца может, а иногда по большим отлучкам и из оной роты временным начальником в его роту офицер прикомандирован бывает, то по прибытии своем возвратном в роту в исправности всего порядка правления и хозяйства в роте взыскивает паче на старшем сержанте. В сих случаях должна рота собрана быть в полном параде.

Також принимающий роту офицер должен оную весьма исправно в людях, вещах и экономии принять, о всем надлежащем до роты исправно осведомитца и, имея при себе списки, рапорт, табель и в квартирах ведомость (против 5 пункта сего отделения), знать о всем, что до роты, пред своим полковым командиром ответственность по прошествии одной недели. Во всякой отлучке капитан, а по вакансии оного старший в роте офицер, имеет при себе со всего в помянутом 5-м пункте назначенного копии, кроме семидневного рапорта, который только служит на одну неделю, дабы по возвращении его в роту ничего [не] забыть и того ж часу обо всем осведомитца мог. Буде же ротному командиру отлучка свыше недели, а меньше месяца, тогда таким же образом роту сдает, кроме того, что оную не собирает. А на неделю вовсе роты не сдает старшему по нем в роте офицеру и старшему сержанту, что в его отсутствие исполнять.

§ II. О протчих в роте субалтерн-офицерах

1

Все военные правила и полковые учреждения наблюдает и исполняет по приказам своего капитана или ротного командира неукоснительно.

2

Примером благородного своего поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных ободряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдению своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными.

3

Когда капитан от роты командирован и ему роту сдал в правление, имея от него сверх полкового учреждения письменное наставление, как до возвращения его в роту поступать, оное весьма наблюдает, дабы по обратном в его роту прибытии ни в чем перед ним ответственность не мог, но заслужил бы себе похвалу. Рапортует тогда своего капитана, или по вакансии его другого старшего ротного офицера, письменно о всем происходящем в роте и примечания достойном один раз в неделю, в две или в месяц по обстоятельству его дальней или ближней отлучки и как он приказал. Те рапорты для пересылки к нему отсылает к полковым письменным делам.

4

По определению ротного командира собственно для своего упражнения и охоты к начальничеству, когда при роте командует одним капральством.

5

Когда капитан от роты куда хотя на малое время отлучитца, то самое то же чинит, что и он, чего ради ему о должности ротного командира на всякой час весьма сведущу быть должно и по прибытии его о происходящем в роте тот час рапортует. В обширных квартирах буде капитан отъехал от роты за нуждою или по приказу на малое время, то с своей квартиры не перебираетца, а приезжает в ротную квартиру времянно: буде его квартира, понеже он имеет свою квартиру при капральстве, которым командует, не далее двух верст от ротной, то получает рапорты от самого старшего сержанта и отдает ему приказ в своей квартире, ежели далее того, то чрез мелд-ефрейтера, ибо старшей сержант должен быть при роте безотлучен. А когда капитан отлучитца от роты не менее как на одну неделю, то того ж числа переезжает на квартиру в ту деревню, где ротная квартира.

6

Имеет всегда при себе: 1-е – полковое учреждение; 2-е – сокращенной строевой устав; 3-е – из описания 1763 году полкового строю три следующие главы: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 4-е – списки о своем капральстве: послужной, ранжирной и перекличной с отметкою, кто куда командирован, а в обширных квартирах и то, кто в которой деревне стоит; 5-е – табель о вещах в капральстве за рукою ротного командира, кою при смене сдает.

§ III. О должности старшего сержанта

1

Старшему сержанту быть о правлении роты весьма знающу, в поступках благонравну, в исправлении своей должности повелений полковых и его ротного командира неутомленну и от оного содержанию быть в отличности против протчих нижних начальников.

2

Как его капитан ответствен о своей роте полковому командиру, так ему ответствен о роте своему капитану. По его многоделию капральством не правит.

3

Поверяет во всех частях экзерциции младших сержантов, капралов и экзерцирмейстеров.

4

В пунктах 23-м, 24-м и 25-м первого отделения сей главы изъяснено в подробности, как ему поступать при обучении экзерциции рекрут и новоприверстанных, имея помощником ротного экзерцирмейстера против первых 9 пунктов 2 главы. И надзирает во обучении их содержанию в целости, чистоте вещей и убранству против 9 пункта 5 отделения сей главы, в лагере по капральствам, а в квартирах при роте, и как после обучения того их в службу употреблять. Что ж до определенного в роту дворянина, о том смотри главы сей 7-е отделение.

5

Вообще за всеми в роте нижними чинами наблюдает в целом соблюдении и чищении всех их вещей, самих себя в приборе и чистом убранстве, в знании незабвенном всех частей экзерциции, в содержании себя в бодрости, смелости, неленостной службе и непорочных поступках. Дает им самим собою пример и за оплошное в том смотрение за рядовыми взыскивает на капралах.

6

Приказы, наряды и протчие исполнения по получении их весьма поспешно чинит и исправляет.

7

В строях и протчих случаях сам всегда порядочно прибран и одет против III главы.

8

Когда пред командира позван будет, имеет шляпу во всю левую руку, а не подмышкой, говорит с ним смело.

9

В строю, в лагере, к паролю и в походе с ружьем, то же и при экзерцировании всегда и трость на пуговице. В протчих случаях иногда команду представляет без ружья и в знак начальства трость.

10

Ежедневно чрез мелд-ефрейтера с ружьем, а в лагере чрез них и капралов без ружья получает по утрам о капральствах и о всем в них происходящем, також от каптенармуса и фурьера по их должностям рапорты, и сверх того от капралов одних по вечерам. Против сего поутру и ввечеру рапортует о роте и о протчем своего капитана и при роте субалтерн-офицеров, поутру представляет капитану мелд-ефрейтеров от капральств, коим дает его прежде себя рапортовать.

Ввечеру, получивши от капитана при пароле приказ, отдает оный унтер-офицерам и капралам, кои к нему обратца должны. В квартирах в столичном городе рапортует сам субалтерн-офицеров о роте один раз в неделю, тогда ежели кого дома не застанет, оставляет ему краткой рапорт, протчие дни рапортует и сообщает приказы цыдулками чрез мелд-ефрейтеров. В непременных и обширных квартирах, понеже субалтерн-офицеры там стоят при своих капральствах, рапортует их словесно и письменно о происшедшем в роте каждую неделю в субботу чрез мелд-ефрейтеров.

Когда капитан на малое время куда от роты отъедет, на те дни получает от него пароли и лозонги и ежедневно поутру и ввечеру старшего тогда при роте офицера рапортует, когда он не в ротной квартире, чрез мелд-ефрейтера, и получает от него приказ, буде же его квартира от ротной квартиры не далее двух верст, то рапортует его поутру сам. Лозонг отдает стоящему в ротном карауле за ефрейтера. В обширных квартирах получает рапорты о капральствах чрез мелд-ефрейтеров, но тот капрал его сам рапортует и получает при пароле приказ, который в той деревне при капральстве, где он.

11

Наряды делает поспешно во все места, куда повелено, а имянно, кого куда нарядить, рапортует своего капитана. В квартирах посылает имянной наряд по капральствам. В недостатке сержантов наряжает место их капралов. Экзерцирмейстеров очерредует всюду с капралами. Каптенармус и фурьер всегда при роте при их должностях, разве чрезвычайно куда от полку наряжены будут, и в строю не при плутонгах. Ибо в недостатке сержантов и капралов во взводах и плутонгах место их экзерцирмейстеры, а когда их в строю довольно, то экзерцирмейстеры как рядовые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.